

ФЭНТЕЗИ-ТРИЛЛЕР
О ПРОФАЙЛЕРЕ ФБР

ФЕЙРИ ПРОФАЙЛЕР

КНИГА 1



МАЙК ОМЕР [АЛЕКС РИВЕРС]
К. Н. КРОУФОРД

Ток. Фэнтези-триллер о профайлере ФБР

Майк Омер

Фейри-профайлер

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Омер М.

Фейри-профайлер / М. Омер — «Эксмо», 2017 — (Ток.
Фэнтези-триллер о профайлере ФБР)

ISBN 978-5-04-197098-7

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «ВНУТРИ УБИЙЦЫ». СПЛАВ ДЕТЕКТИВА-ТРИЛЛЕРА О ПРОФАЙЛЕРЕ ФБР И ОГНЕННОГО ФЕЙРИ-ФЭНТЕЗИ. Фейри живут среди нас. И один из них — серийный убийца... Я думала, что вычислить этого убийцу будет легко. Просто еще один маньяк, бродящий по улицам Лондона в поисках легкой добычи... Я БЫЛА НЕ ПРАВА. Этот убийца — фейри, и он неуловим, как дым на ветру. Но я — Кассандра Лидделл, профайлер ФБР, и моя работа — выследить его. Не имеет значения, что один из главных подозреваемых — фатально привлекательный фейри — пытается меня соблазнить... МЕНЯ НЕ ОСТАНОВИТЬ. Даже когда улицы Лондона охватывает тотальная паника, а местная полиция объявляет виновной меня. Я так просто не сдамся. Я — агент ФБР. И тоже обладаю магическими способностями. ПОТОМУ ЧТО И Я НАПОЛОВИНУ ФЕЙРИ...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-197098-7

© Омер М., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

К. Н. Кроуфорд, Алекс Риверс

Фейри-профайлер

C.N. Crawford, Alex Rivers

Agent Of Enchantment

© 2017 by C.N.Crawford and Alex Rivers. All Rights Reserved

© Никитин Е.С., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2024

Глава 1

Фейри¹ распростерся на древних каменных плитах. Отблески свечей плясали на его красивом лице.

Теперь он был в моей власти, и это пьянило. Но нельзя медлить и осторожничать: я в бегах, конец уже близок. Мне нечего терять.

Стоя под высокими каменными сводами старинной лондонской церкви, я в упор смотрела на него.

На нефѐ мерцали блики свечей. Высоко надо мной темные тени танцевали на остроко-
нечных сводах, словно злые духи. Я сделала глубокий вдох. Итак, битва закончена.

По крайней мере, я так думала.

Когда я подошла ближе, фейри как будто собрался с духом, скривил губы и с ревом вско-
чил на ноги, готовясь броситься на меня. Он двигался с невероятной скоростью, но время для
меня словно замедлилось. Его мощные руки раскачивались, как тяжелые маятники, словно он
плыл по морю меда.

Я инстинктивно отпрыгнула в сторону – его кулак пролетел мимо, – обеими руками
обхватила его запястье, присела, и фейри по инерции пролетел вперед и впечатался в камен-
ную колонну.

Хруст костей эхом отразился от сводчатого потолка. На нас полетели пыль и каменные
крошки.

Этот урод собирался держать меня в клетке, пытать просто ради забавы... Пусть не ждет
пощады.

Я двинулась на него, скривив губы в зловещей усмешке. По его лбу стекала струйка
крови. Фейри сверлил меня здоровым глазом, рыча, как хищный зверь, не привыкший быть
добычей. Когда я приблизилась, он попытался ткнуть меня кулаком в живот.

Я оттолкнула его руку и ударила по лицу тыльной стороной ладони. Его голова дернулась
вправо, он рухнул на пол. Я схватила его за шиворот и швырнула на ряды деревянных скамеек,
которые разлетелись в щепки под тяжестью тела.

Но фейри не утомился и опять бросился на меня, хрипло дыша.

Я ринулась в атаку, собираясь выбить из него все дерьмо, но он потянулся к голенищу.
Нож? Нет. Я узнала «Глок-17»². Он нацелился мне прямо в грудь. Сердце заколотилось как
бешеное. *Черт, черт, черт...* Я пригнулась, но не успела.

Выстрел эхом отразился от каменных сводов. Бок пронзила боль. Я согнулась, задыхаясь,
и схватилась за талию. Руку обагрила кровь.

Фейри медленно встал, держа меня под прицелом. Я отшатнулась – боль ударила в живот.
Железная пуля особой ручной работы обжигала изнутри. Я рухнула на колени.

Яд уже распространялся по телу, вызывая головокружение и гася магию. Я стиснула зубы,
мысленно шепча заклинание. *Будь готова убить каждого встречного...* Но сейчас это не помо-
гало.

В бледных глазах фейри вспыхнула ярость. Он снова спустил курок, но пистолет лишь
глухо щелкнул – патронов не осталось. Повезло.

– Что ж, – фейри с ухмылкой двинулся на меня. – Я не прочь прикончить тебя по ста-
ринке.

Я поползла назад, держась за живот и пытаясь унять жуткую боль, бормоча:

¹ Фейри – волшебный народец, живущий в параллельном мире. Часто под фейри подразумеваются феи – человекоподоб-
ные существа прекрасной наружности, умеющие колдовать и не всегда благосклонные к людям. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Пистолет австрийского производства.

– Мне следовало догадаться, что это ты. Тяга к власти... Одержимость страхом... Поклонение хаосу...

Дрожь сотрясала тело, кровь сочилась сквозь пальцы.

– Я все это время составляла твой психологический портрет...

– Ну-ну. И к чему это тебя привело, полукровка? – прорычал фейри, сверкая глазами.

– Так-то оно так, но... – Я посмотрела на окровавленные пальцы. – Меня утешает мысль, что я не ошиблась.

Он пнул меня в живот – как раз в то место, куда угодила пуля. Я задохнулась от боли, рухнула на спину и уставилась в каменные своды. Вдоль колонн извивались тени, это место выглядело каким-то проклятым. Наверное, так и есть – это же Смитфилд³, тут устраивали боины. Я застонала и стиснула зубы.

Фейри ухмыльнулся, явно наслаждаясь моей гримасой боли.

И от этой самодовольной ухмылки во мне вспыхнула ярость. *Борись, Кассандра. Всегда сражайся.* Вот бы найти способ использовать остатки магии... Я лихорадочно перебирала варианты, пытаюсь найти поблизости металл, стекло – хоть что-нибудь.

– Тебе не спастись... – Он наклонился и провел пальцем по моей груди. – Больше никаких фокусов. Больше никакой магии. Только я и ты. Знаешь, что я хочу? Переломать тебе ребра одно за другим. Хочу увидеть страх в твоих глазах. Как думаешь, профайлер⁴, это доставит мне удовольствие?

Из моего рта вытекла струйка крови.

– Я думаю, тебе нужно заняться чем-то более полезным для общества.

Фейри склонился надо мной. Его черные как уголь зрачки ничего не выражали.

– Ну что, готова сдохнуть, полукровка? – Он надавил коленом на рану.

Я закричала.

– Расцениваю это как «да». – Его пальцы впились мне в горло.

Как во сне, я уставилась в его глаза – такие бездушные и пустые, что в них не было ничего, кроме моего собственного отражения...

³ Смитфилд – район в центре Лондона, традиционное место казней.

⁴ Профайлер – криминальный психолог-аналитик, способный по незначительным разрозненным деталям воссоздать облик и образ действий преступника.

Глава 2

Пятью днями раньше

Несмотря на подготовку спецаргента, я едва не погибла уже через три секунды после выхода из аэропорта Хитроу. Я могу справиться со снайперами, нападением с ножом, ядом, бомбами, но только не с машинами, едущими по левой стороне дороги.

В свою защиту скажу, что в тот момент я всецело сосредоточилась на деле серийного убийцы, ради которого меня и вызвали сюда: составить его психологический портрет.

Не успела я сделать и трех шагов по дороге, как воздух уже сотрясли визг тормозов, гудки и эпитеты «тупая курица» и «идиотка».

А я-то думала, в Англии все вежливые...

Краснорожий мужик не унимался («Смотри, куда прешь, гребаная сонная кобыла!»). Я заскочила обратно на тротуар, мои щеки пылали. Сделала глубокий вдох и попыталась сосредоточиться. Итак, я в Англии. Стране Шекспира, Чосера и – как я быстро поняла – изобретательной ругани. И здесь ездят по *левой* стороне – стоит это учесть.

Сориентировавшись, я решила, что найти автобусную остановку среди ночи в чужом городе, пожалуй, выше моих сил.

Я мысленно перебрала все варианты из туристического путеводителя, который листала в самолете: поезда, метро, «черные кэбы»⁵. Наверное, лучше взять тачку. По идее, «черные» таксисты знают город от и до, каждую улочку.

Обернувшись, я заметила желтый указатель такси рядом с длинной вереницей машин и поспешила по тротуару обратно к терминалу, волоча за собой чемодан. Пробегая мимо сверкающих окон аэропорта, мельком увидела свое отражение: бледная кожа, растрепанные светлые волосы, мятая юбка, кофейные пятна на белом свитере...

Если не считать любимых шикарных черных сапожек, я выглядела дерьмово.

Когда я добралась до вереницы «черных кэбов», бородатый водитель опустил стекло и высунулся наружу:

– Такси?

– Да, спасибо, – ответила я с облегчением. – Мне нужно в полицейский участок Бишопсгейта⁶.

– Нет проблем, – бородач улыбнулся. – Садитесь. Я возьму багаж.

Я позволила ему положить сумки в багажник и устроилась сзади. Ну хоть кто-то из местных вежлив...

Водитель сел за руль, завел двигатель и влился в поток машин. Я расслабилась на мягком кожаном сиденье, уставившись в окно на темные улицы Западного Лондона. Я была почти уверена, что нам предстоит долгая поездка на другой конец города – в Сити. В ту самую старинную часть Лондона, вокруг которой римляне почти две тысячи лет назад возвели стену. Стена пала, но древняя Квадратная миля⁷ по-прежнему имеет свое правительство, независимое от остального Лондона. И даже собственную полицию.

В кармане зазвонил телефон. Я достала его, и внутри все сжалось при виде медленно бегущей по экрану строки с именем контакта: *Ни При Каких Обстоятельствах Не Отвечай На Звонки Этого Мудозвона*.

Мой бывший парень.

⁵ «Черный кэб» – единственное лондонское такси, обладающее исключительной привилегией подбирать пассажиров на улице.

⁶ Бишопсгейт – округ лондонского Сити.

⁷ Прозвище лондонского Сити.

Как видите, не только британцы умеют креативно ругаться.

Вообще-то я не злобная. Но когда вернулась домой и обнаружила, что мой парень оставил открытым на моем компьютере сайт знакомств (ник: *Вирджинский Жеребец*), ругательства сами слетели с языка.

Быстрый поиск в «Гугле» выяснил, что Вирджинский Жеребец также весьма активно обменивался советами насчет знакомств на форумах по бодибилдингу. Оказывается, женщин привлекает костюм хорошего покроя, а День святого Валентина может обернуться кошмаром, когда «регулярно трахаешься с тремя цыпочками». Вот что я узнала о его жизни за последние две недели.

Нужно быть осторожнее с мужчинами, которых выпускаешь в свою жизнь. Урок на будущее.

Я нахмурилась и сунула телефон обратно в карман.

Водитель обернулся:

– Вы прилетели из Америки или из Канады?

– Из Штатов. Я здесь впервые... – Я прикусила губу. – Вы когда-нибудь слышали выражение «сонная кобыла»?

– Вас кто-то так назвал, мисс?

– Судя по контексту, это не похоже на комплимент.

– Я бы не стал обращать внимания, милая. – Бородач свернул на шоссе. – У вас какие-то дела с полицией Бишопсгейта? Вряд ли вы проделали такой путь из Америки, чтобы заявить о преступлении.

– Просто небольшая консультация насчет инсайдерской торговли в Сити. Для «белых воротничков».

Вранье, причем очень скучное, чтобы собеседник не задавал лишних вопросов. За несколько лет работы в Бюро я привыкла ко лжи, хотя мне еще далеко до Вирджинского Жеребца.

– Понятно, – продолжал таксист. – Район финансистов. Если вам интересно мое мнение, половине из них место в тюрьме. Валяют дурака с фондовым рынком и прочими штучками. Только всем всё портят.

– Не могу не согласиться.

Ложь наскучила даже мне самой, но я не собиралась рассказывать, что я здесь для того, чтобы составить психологический портрет самого известного лондонского серийного убийцы со времен Джека-потрошителя. К тому же люди пугались, когда я представлялась спецагентом ФБР. Особенно когда узнавали, что я работаю психологом в Отделе поведенческого анализа, составляю психологические портреты преступников. Они вдруг начинали нервничать, как будто я раскрою их самые темные секреты, просто заглянув им в глаза.

Мы замолчали. Такси мчалось по трассе М4. Мы углублялись всё дальше в город, и я начала ощущать в теле покалывание, словно мои чувства обострились.

Здесь, в центре Сити, фонари горели ярче, заливая улицы белым светом. Проезжая по улице Чансери-лейн, мы миновали приземистые дома в стиле Тюдоров; разноцветные огни магазинов на первых этажах отражались в тротуарных лужах. Темные улицы в этот час пустовали, но на секунду мне послышался гул толпы – и затих вдалеке.

По телу пробежала дрожь. Я никогда не бывала в Лондоне, и все же у меня возникло странное ощущение дежавю. *Возьми себя в руки, Кассандра.*

Водитель обернулся:

– Слышали о новых убийствах Потрошителя в Сити?

– Да, слышала. Это выбило меня из колеи. Чуть не отменила поездку, – опять соврала я. – Обычно у вас здесь не так много убийств, да?

– Не так много, как у вас. У нас же нет оружия. Но эти убийства... Я бы не советовал вам гулять по ночам. Я слышал, что о самом худшем даже не писали в газетах. Что девушки, которых нашли, были... – Бородач откашлялся. – Ладно, не хочу вас пугать.

– Конечно, я буду осторожна.

Мне не нужно выслушивать от таксиста подробности: я изучала их во время перелета, а еще раньше – у себя в кабинете в Отделе поведенческого анализа в Куантико⁸. Я знала почти наизусть глубину каждой рваной раны. И всё-таки забота бородача была такой трогательной... Я оценила ее, снова поверив в теорию насчет вежливости британцев.

Несколько дней назад полиция лондонского Сити уговорила меня прилететь в Великобританию. Зарубежное отделение ФБР в Лондоне завалено делами о терроризме и вмешательствах в выборы. Ни у кого нет времени на серийного убийцу, а я сделала карьеру как раз на таких делах. Я много лет изучала серийных убийц по заданию Бюро. Странные подробности этого дела заинтересовали моего шефа – настолько, что он оплатил командировку. Полиция Сити хотела встретиться со мной сразу по приезде: детектив-констебль Стюарт ждал меня даже в столь поздний час.

Порывшись в сумке в поисках косметики и пудреницы с зеркальцем, я достала розовую помаду, слегка подрумянила бледные щеки, и в моих голубых радужках что-то промелькнуло – словно водная струя, напоминающая бурлящую реку.

Я захлопнула пудреницу. *Я схожу с ума.* Мне явно нужно поспать, или попить водички, а может, несколько коктейлей «Манхэттен».

Я потеряла лоб. Я еду прямо в участок, чтобы побыстрее встретиться с детективом. Подробности дела не выходили из головы.

Водитель оглянулся через плечо:

– Думаю, на такой работе вам нужно просматривать кучу бумаг.

– О, вы даже не представляете сколько... Пожалуй, посмотрю кое-какие документы прямо сейчас.

Я снова порылась в сумке, достала присланные на этой неделе полицейские рапорты и пролистала их, пряча от водителя страшные фотографии.

За последний месяц в Лондоне найдены трупы трех молодых женщин. Убийца перерезал им горла и вспорол животы. И точно так же, как Джек-потрошитель, забрал жуткие трофеи: матку у одной, почку и сердце у другой. У третьей жертвы он вырезал печень.

Подражатель Потрошителя? Газетчики, разумеется, так и считали. Британские таблоиды уже злорадно вопили: «Потрошитель вернулся!»

Но я не была уверена, что это люди с одинаковой психикой. Да, преступник почти наверняка вдохновлялся Потрошителем, но совершал убийства гораздо стремительнее.

Уставившись на одну из фотографий с места преступления, я покачала головой. Никогда не понимала, почему Джек-потрошитель привлекает столько внимания. Он не выделялся среди других преступников ни количеством жертв, ни методом убийств.

Возможно, именно его прозвище вдохновляло людей на бесконечные страшилки. Или отсутствие разгадки создало благодатную почву для самых диких теорий заговора... Как бы то ни было, о нем до сих пор не забыли.

В кармане опять зазвонил телефон; я что-то пробурчала себе под нос, но на экране высветилось: «Неизвестный номер».

Я неуверенно провела пальцем по экрану:

– Алло?

– Агент Лидделл? – В мужском низком голосе слышался легкий лондонский акцент.

– Слушаю.

⁸ Куантико – город в шт. Вирджиния, где расположены Академия и Лаборатория ФБР.

– Детектив-констебль Габриэль Стюарт. Веду дела о серийных убийцах.
– Здравствуйте. Я как раз еду к вам.
Мой контакт в полицейском участке Бишопсгейта. Он прочистил горло:
– Думаю, вместо этого вам нужно поехать прямо на Митр-сквер.
Я взглянула на часы: уже за полночь.
– Зачем?
– Произошло еще одно убийство. – Он на секунду замолчал, когда на заднем плане завывала сирена. – Митр-сквер – место преступления.

* * *

Если у меня и была какая-то надежда, что место преступления оцеплено как следует, то она испарилась, едва я свернула в узкий крытый переулок к Митр-сквер. Небольшая толпа за краем полицейской ленты заполонила весь проход, преграждая путь. Один из мужчин привалился к стене, словно в полусне. По всему переулку стоял запах мочи и пива.

Я остановилась и достала телефон – позвонить детективу Стюарту.
– Алло? – ответил он почти сразу.
– Детектив, это Кассандра.
– Кто?
– Агент Кассандра Лидделл.
– А, точно! Вы уже близко?
– Стою сразу за периметром места преступления в переулке возле Митр-сквер. Не хотите пропустить меня внутрь?
– Конечно. Просто подождите, пока офицер Холбрук не подойдет к вам. Покажете свой значок, и он вас пропустит.
– Может, не стоит себя афишировать, когда вокруг столько зрителей?
Он секунду помолчал, затем произнес:
– Разумно. Я сам приду за вами.

Я закончила разговор, крепко вцепившись в чемодан и оглядывая толпу. Я знала, что убийца может находиться где-то здесь, наблюдать. Одна из странных причуд некоторых маньяков: они возвращаются на место преступления, чтобы пережить всё заново. Я не знала точно, кого ищу, поскольку в его прошлых деяниях не прослеживалось признаков ни явного психопата, ни беспечного человека. Но запомнить лица зевак на всякий случай не помешает. Я долго и пристально вглядывалась в них, запечатлевая в мозгу. Наконец, удовлетворившись, расслабилась и сделала глубокий вдох.

И хотя половина собравшихся были вдрызг пьяны, за их опьянением я чувствовала скрытый страх. Видимо, то, что лежало за лентой там, впереди, на Митр-сквер, быстро отрезвляло.

Честно говоря, дело не только в том, что я чувствовала их страх. Я реально *ощущала* его как физическую сущность, своего рода заряд. И сейчас он накапливался в моем теле.

Как всегда, началось с сердца. Оно билось все быстрее и быстрее, каждый удар отдавался в ушах. Кончики пальцев покалывало, словно по ним пустили слабый ток.

Несмотря на прохладный ночной ветерок, мое лицо покраснело. По телу прокатились волны жара.

Когда я в первый раз описала свое состояние друзьям, они попросту вытаращились на меня. Я думала, что время от времени все это чувствуют. Иногда вы голодны, иногда вам хочется чихнуть, а иногда эмоциональная энергия окружающих заряжает ваше тело подобно электричеству. Ведь так? *Так?*

Оказывается, нет. Такое происходит не со всеми. Только со мной. Я несколько раз заговорила об этом разговор, но на меня смотрели так странно, что я закрыла тему. «Энергия? Какая

еще энергия? Ха-ха, единственная энергия, которую я знаю, – это энергетики...» Я такая же, как все.

Что бы это ни было, его вызывали сильные эмоции. Как-то я попала на футбольный матч в своем родном городе – и это оказалось так... мощно. Я вышла со стадиона потрясенная, с улыбкой на губах. Кто-то спросил: «Что, так понравилась игра?» И тут до меня дошло: я даже не заметила, что происходило на поле. Я чувствовала, что творилось в *толпе*. Люди радовались, расстраивались, злились... и их эмоции распространялись по моему телу, словно наркотик.

Но никакая эмоция не действовала на меня так сильно, как страх. И сейчас я подспудно ощущала его. Он мобилизовывал, обострял все чувства. И усталость от перелета куда-то испарилась.

Я начала проталкиваться сквозь толпу, катя за собой дурацкий чемодан. Краем глаза заметила припаркованный на дороге фургон прессы. Черт побери... Ничто так не вредит расследованию серийного убийства, как всеобщая паника.

Я добралась до полицейского ограждения – и увидела впереди нечто ужасное. Место преступления было освещено белыми лучами прожекторов. Примерно в семидесяти футах, на другой стороне площади, группа людей стояла над женским телом. Даже с такого расстояния я заметила багровую лужицу, поблескивающую на булыжниках под трупом.

Почти все криминалисты, окружившие тело, были в белых сплошных комбинезонах. На лицах – медицинские маски, поверх обуви – бахилы, на руках – синие латексные перчатки, так что виднелись только глаза. Следователи внимательно осматривали место преступления, собирая и документируя улики.

Смуглый мужчина пристально взглянул на меня. В отличие от криминалистов, он был в костюме и сером пальто.

– Габриэль? – спросила я, когда он подошел ближе.

Мужчина кивнул и жестом пригласил меня пройти. Я подняла ленту ограждения, шагнула под нее, прислонила чемодан к стене здания и повернулась к детективу.

Он крепко пожал мне руку. Я не могла отвести от него глаз: широкоплечий, высокий, констебль возвышался надо мной, и в его карих глазах было что-то притягательное. С бронзовой кожей и волевым подбородком, он напоминал кинозвезду.

Габриэль выглядел напряженным.

– Агент Лидделл, – произнес он. – Я рад, что вы смогли приехать.

– Просто Кассандра.

– Хорошо, – холодно согласился он. – Кассандра.

Не нужно иметь степень доктора психологии, чтобы почувствовать в его голосе лед. У меня возникло несколько версий, почему он не в восторге от моего присутствия. Во-первых, американские правоохранители не всегда в ладах с британскими; мы привыкли игнорировать их докучливые правила и устанавливать собственные. Во-вторых, консультанты ФБР всегда имели репутацию людей, не считающихся с местными традициями. Так что причин более чем достаточно. К тому же детектив Стюарт, наверное, боялся, что я буду вести себя как типичная жизнерадостная американка – трещать что-то вроде «отличная работа, команда» и заставлять давать «пять» друг другу в конце дня.

– Идемте. – Он повернулся и пошел прочь.

По мере приближения к месту преступления настроение у меня ухудшалось. Я начала различать детали: красную рану, тянущуюся по всему телу жертвы от горла до живота, темную кровавую лужу внизу. Куски плоти блестели в свете прожекторов. Над трупом стояла женщина, фотографирующая детали кровавой бойни.

– Можно остановиться здесь, – предложил Габриэль, когда мы оказались футах в двадцати. – Зрелище не из приятных, да и не думаю, что вам нужно видеть все вблизи, чтобы составить портрет убийцы. Позже мы предоставим фотографии.

– Спасибо за заботу, – я приподняла бровь. – Думаю, я справлюсь.

Подойдя к телу, я присела на корточки рядом с мужчиной, который настороженно взглянул на меня поверх очков. Могу поклясться, что из-под маски он пробормотал что-то насчет «этих американцев», но я сосредоточилась на жертве.

К горлу подкатила желчь. Молодая женщина, не старше двадцати. На лице гримаса боли и ужаса, рот приоткрыт в беззвучном крике, пустые глаза уставились в ночное небо. Темные волосы разметались по асфальту, запутавшись между руками и создавая впечатление, что она падает.

Убийца разорвал на ней блузку, оголив верхнюю часть изуродованного тела. Глубокий разрез обнажил внутренние органы – точнее, то, что от них осталось. При ярком свете бледная кожа и кости выглядели ужасающе белыми на фоне алой крови. И, как будто этого оказалось недостаточно, преступник изуродовал ей лицо, прочертив перпендикулярные линии на щеках. В глубине моего сознания за клубился ужас. Почему-то эти отметины показались до жути знакомыми, как будто я видела их в кошмарном сне.

Я старалась не думать о том, что она пережила в последние мгновения, но все равно представила эту картину. Рана на горле указывала на то, что убийца, скорее всего, напал со спины, но выражение лица женщины не оставляло сомнений: жертва успела почувствовать схватившую ее руку и порезавшее ее лезвие. Оставалось только надеяться, что внезапность нападения ошеломила ее, немного притупив боль от ножа; что девушка до конца не осознала ужас происходящего. Я надеялась, что большая часть ранений была нанесена уже после смерти.

Прокручивая в голове кошмар последних мгновений ее жизни, я почти пожалела, что не послушалась Габриэля. Но это важно: я должна была увидеть дело рук убийцы вблизи. Эта его садистская форма самовыражения, образ его мыслей... Я отогнала жуткие картинки на задний план, пытаясь сосредоточиться.

Мое внимание привлекло непрерывное жужжание. По открытой кровавой ране ползали несколько мух. Когда труп несколько часов или дней, мухи становятся ценными союзниками судмедэкспертов – опытный специалист определит время смерти с помощью снятых с тела образцов мух и личинок. Но этот труп свежий, а мухи на нем – просто паразиты, использующие бедняжку для вскармливания своих личинок...

Я взмахнула рукой, отгоняя мух, и быстро встала, почувствовав медный запах крови. Мухи тут же вернулись и снова облепили раны.

Я боролась с желанием закрыть женщине глаза, чтобы не видеть измученный взгляд убитой. Да, они поразили меня больше всего – ее глаза, широко распахнутые, страдающие от боли. Может, я и не почувствовала бы ее эмоции, но они были ясно написаны у нее на лице.

Отойдя от тела, я стиснула зубы, пытаясь представить монстра, который искромсал на куски четырех молодых женщин. Скольких еще он убьет, прежде чем его остановят? Смогу ли я чем-то помочь?

Я была почти уверена, что да. Это как раз то, что у меня получается лучше всего. Я помогаю находить таких, как он, и прерывать их серии убийств.

Из-за периметра полицейской ленты я почувствовала энергию страха толпы, и моя решимость окрепла. Я не вернусь в Штаты, пока монстр не окажется в тюрьме.

– Вы в порядке? – Габриэль протягивал мне пару латексных перчаток.

Я натянула их, и прикосновение синтетического материала почему-то подействовало успокаивающе.

– Да, – пробормотала я. – Похоже, жестокость преступлений идет по нарастающей.

– И нам так кажется, – согласился Габриэль. – Это убийство пока что худшее.

Я оглядела маленькую городскую площадь. Здесь не было магазинных витрин – только фасады зданий с черными ходами, огороженная парковка и узкая дорога. И все же невероятно, что девушку зарезали в центре города, а никто этого не заметил.

– Свидетели есть? – спросила я.

Габриэль покачал головой.

– Нет. Прохожий нашел ее в двадцать минут двенадцатого. Он никого не видел рядом с телом.

– Установили примерное время смерти?

– Да. Между одиннадцатью и одиннадцатью двадцатью.

– То есть он нашел ее всего через несколько минут после убийства?

– Да.

Я нахмурилась.

– Не может быть... Кто-то убил ее и полностью выпотрошил. Это требует времени. Как ему удалось все сделать незаметно? Наверняка люди должны срезать здесь путь, чтобы добраться до баров и ресторанов, которые я видела в Бишопсгейте...

– Без прожекторов здесь довольно темно. А те, кто в такое время болтается по Сити, обычно пьяны в хлам.

Я огляделась по сторонам. Тело лежало так, что его было не видно с ближайшей улицы. Но присмотрись кто-нибудь повнимательнее, наверняка бы заметил.

– Должно быть, он действовал бесшумно. И хладнокровно. Это... очень необычно.

– Согласен. Никогда не видел ничего подобного.

– У тела не хватает каких-нибудь внутренних органов? – поинтересовалась я, вспоминая предыдущие преступления.

– Как минимум сердца, но, возможно, чего-то еще. Завтра будет предварительный отчет о вскрытии.

– Вы провели подомовой обход? Может, соседи что-то слышали?

– Мы же только что нашли ее, – возразил детектив. – И рядом никто не живет. Если не углубляться дальше на восток, все банки и офисы в такое время уже закрыты.

Я уставилась на женщину.

– Личность установлена?

– Кэтрин Тейлор, – ответил Габриэль. – Девятнадцать лет. Водительские права лежали в сумочке рядом с телом. Мы пока не знаем, совпадение ли это.

– Совпадение?

Детектив Стюарт вздохнул.

– В свое время Джек-потрошитель убил на Митр-сквер женщину по имени Кэтрин Эддоус.

У меня перехватило дыхание. Вот дерьмо... Неужели преступник начал подражать настоящему Потрошителю?

– Но другие жертвы убиты не в тех местах, где действовал Потрошитель.

– Это первое совпадение.

– И имена других жертв не совпадают с именами жертв изначального Потрошителя?

– Нет. Видимо, он меняет почерк на ходу. Хотя я не психолог, так что самые сложные вопросы оставлю вам.

Я прищурилась. У некоторых британцев сложилось впечатление, что американцы не понимают сарказм. Наверное, мне стоит просто подыграть.

– Конечно. Лучше доверить всё экспертам.

Габриэль секунду пристально смотрел на меня, но тут его окликнул криминалист:

– Детектив, можете взглянуть?

Габриэль подошел к телу. Пока они тихо переговаривались, я снова уставилась в глаза Кэтрин. Что промелькнуло у нее в голове в последние мгновения жизни? Думала ли она о тех, кого любила, или чувствовала только боль?

Пальцы сами сжались в кулаки. Может, дело в том, что в памяти всплыло собственное прошлое, как иногда случается в такие моменты, – но у меня вдруг возникло непреодолимое желание поймать убийцу и выбить из него все дерьмо *до того*, как упечь за решетку.

Габриэль опустил на колени рядом с Кэтрин, рассматривая ее губы. Я наклонилась, чтобы тоже получше разглядеть.

– Что такое?

– Там что-то есть. Застряло у нее в горле. Подождите...

Мужчина, склонившийся над телом, протянул Габриэлю пару медицинских щипчиков. Габриэль аккуратно вставил их в рот жертвы, поморщившись, когда металл лязгнул о зубы. После недолгих усилий он извлек окровавленный листок бумаги.

– Что за чертовщина? – пробормотал детектив и осторожно развернул. Я заглянула ему через плечо.

Это была записка, написанная причудливым почерком.

Король червей Рвет разум в хлам
Под толщей вод. Агнцов забей;
Их дом – Бедлам, И смерть – исход.

На секунду я услышала шум бурлящей реки, а потом он исчез.

Я выбросила эту галлюцинацию из головы.

Габриэль поднялся, нахмурившись.

– Что у него за игры? – Детектив обращался больше к самому себе, чем к кому-нибудь еще.

Встревоженная, я с трудом сглотнула ком в горле:

– Джек-потрошитель ведь тоже оставлял записки?

– Каракули на стене... Какой-то бред про евреев... Ничего похожего на это.

– Наш Потрошитель в первый раз оставил записку?

Детектив все еще не сводил глаз с листка.

– В первый.

– Что ж, если хотите знать мое мнение... – Я тут же резко замолчала. Не стоит изображать всезнайку, иначе я сразу настрою Габриэля против себя. – Можно обсудить это завтра утром. Я обдумаю несколько версий, и мне интересны ваши соображения.

Он кивнул.

– Хорошо. У вас нет предварительной оценки?

– Я бы предпочла сначала провести небольшое исследование. Но записка и демонстрация всех этих ужасов указывают на то, что убийце, похоже, нравится ощущать себя новым Потрошителем. Возможно, стать звездой для журналистов и полиции – одна из его фантазий. Заголовки таблоидов могут усилить его манию. И, вероятно, он захочет поближе взглянуть, как мы распуываем дело.

Я внимательно наблюдала за детективом: понял ли он намек? Габриэль долго смотрел на меня, потом взглянул через мое плечо на толпу за лентой и повернулся к женщине-фотографу средних лет с очень дорогой на вид камерой.

– Мне нужны детальные снимки толпы. – Он понизил голос: – Не направляйте объектив прямо на них. Не хочу, чтобы кто-то отвернулся.

Фотограф, кивнув, сфокусировала камеру на кровавых брызгах вокруг тела. Потом медленно наклонилась, поднимая объектив все выше, чтобы в кадр попали люди за лентой, и сделала несколько снимков, проведя камерой влево-вправо. Да, она знала свою работу. И детектив тоже.

Я уже запомнила большинство лиц в толпе: двух мужчин с пивными животиками в дешевых костюмах – видимо, мелких клерков в одном из ближайших банков; мужчину в белой

кепке со следами уколов на руке; стайку подростков, которые уговаривали кого-то угостить их пивом – по крайней мере, одного из них больше интересовал секс, чем происходившее здесь. Но эти снимки позже помогут другим полицейским рассмотреть толпу как следует.

С противоположного угла площади к нам подошел мужчина в сером костюме с серьезным лицом.

– Детектив Стюарт. – Он кивнул Габриэлю.

На вид ему было около пятидесяти, волосы отливали серебристой сединой. Весьма недурен собой, словно огромный Джордж Клуни, – ростом точно не ниже Габриэля и к тому же крепко сложен. Рядом с ними я почувствовала себя малюткой. Что, все британцы такие великаны?

– Шеф, – Габриэль кивнул ему и указал на меня. – Это агент Лидделл из ФБР. Агент, это старший детектив-инспектор Стив Вуд.

– Ах да, – произнес старший инспектор Вуд раскатыстым басом. – Профайлер...

Кажется, он тоже не в восторге. Мне стало ясно, что, обратившись в ФБР, высшее начальство перешло все границы. Тем не менее Вуд протянул мне руку, и я пожалала ее.

– Итак, какие предварительные выводы? – поинтересовался он.

На секунду показалось, что он обращается ко мне, но Габриэль опередил меня:

– Это убийство немного отличается от остальных. Более жестокое. Более... демонстративное. И преступник оставил записку, засунутую в горло жертвы.

– Мы уверены, что это тот самый убийца? – уточнил старший инспектор Вуд. – МО⁹ здесь другой...

– МО такой же, – перебила я. – А вот подпись отличается.

Черт побери... Веду себя как типичная американка.

Шеф взглянул на меня:

– Правда?

– Ну, м-м, возможно... – Я закипела. *Да пошло оно всё.* – МО – это метод, используемый для совершения преступления. В данном случае МО – перерезать горло молодой женщине ножом. Так преступник убил всех жертв. Подпись – это то, что он сделал потом, чтобы удовлетворить эмоциональные потребности. Посмертные увечья – его фирменная подпись. Но теперь он оставил записку. Подпись изменилась.

– Понимаю, – Вуд медленно кивнул. – И на что указывает изменившаяся подпись?

Вполне логичный вопрос, но задан он был таким тоном, что стало ясно: инспектор считает меня треплом.

– Серийные убийцы постоянно меняют подписи, – объяснила я. – И сами меняются после каждого убийства. В смене подписи нет ничего странного, но она свидетельствует, что эмоциональные потребности преступника изменились.

Инспектор посмотрел на Габриэля:

– Ваше мнение, детектив?

Тот пожал плечами:

– Пока я согласен с ней.

Техники-криминалисты оборачивали руки трупа бумажными пакетами, кто-то катил носилки. Сколько нужно времени, чтобы все убрать? Уже завтра банкиры будут шествовать мимо большого пятна на булыжной мостовой и понятия не иметь, откуда оно там взялось...

Когда старший инспектор Вуд отошел, я кивнула в сторону толпы:

– Как лондонцы реагируют на преступления?

Габриэль нахмурился.

⁹ Modus operandi (М.О.) – в переводе с латыни – «образ действия»; используется в криминалистике для указания на типичный способ совершения преступлений данным преступником.

- Со страхом и гневом одновременно. Они считают, что это разновидность терроризма. Во мне вспыхнуло раздражение:
- Это совсем не так.
- Сейчас Вуд держит журналистов в неведении, поэтому они придумывают свои версии.

Что это дело рук иностранцев. Вот такая легенда.

Я медленно выдохнула. Если Вуд будет продолжать в том же духе, могут пострадать невинные люди.

Габриэль уставился на тело, и я услышала, как он вполголоса произнес:

– *Человек всегда останется дикарем.*

Я удивленно повернулась к нему:

– Это же Торо ¹⁰. Мой земляк.

Стюарт с минуту рассматривал меня, как будто я пробудила в нем любопытство. Затем произнес:

– Где вы остановились? Могу проводить вас до отеля.

– Не стоит. Он всего в пяти или десяти минутах отсюда – возле станции «Ливерпуль-стрит». И вряд ли наш убийца совершит новое преступление в следующие пятнадцать минут.

– Вы уверены?

– Габриэль, я агент ФБР и могу о себе позаботиться, – заверила я.

¹⁰ Генри Торо (1817–1862) – американский писатель, поэт, философ, публицист, натуралист.

Глава 3

Пока я петляла по извилистым улочкам Сити, в кармане пискнул телефон. На экране высветилось сообщение от Скарлетт:

В Туманном Альбионе все ОК?

Она обожала архаичные словечки.

Да, не считая всяких серийных убийц, – напечатала я.

Тебе нужны серийные убийцы, – написала она в ответ. – *Без них ты останешься без работы.*

Странные словечки и черный юмор – фишка лучшей подруги.

Мрачновато, Скарлетт.

Через минуту на экране снова появилось зеленое облачко сообщения:

Кстати, о мрачном. Пожалуйста, побывай в моих любимых местах Лондона: место казни Анны Болейн ¹¹, место казни Уильяма Уоллеса ¹², чумные ямы ¹³ и «Жареный цыпленок Кеннси», который вызывает у пьяных пугающую зависимость. ХО ¹⁴.

Скарлетт постоянно разрушала мои стереотипы об агентах ЦРУ. Им не пристало шататься по чужим городам пьяными и пожирать жареную курицу, но, похоже, ей все сходило с рук.

Я не стала спорить, что я здесь по работе, а не в отпуске: ей все равно не понять.

Оторвавшись от телефона, я огляделась по сторонам. Как и уверяла Габриэля, я не заблужусь. Я прекрасно ориентируюсь, хотя, похоже, слегка сбилась с пути.

Улицы старого Сити были своего рода запутанными памятниками тем временам, когда не существовало привычной нам математики и прямых линий, а прихоти пекарей и мясников брали верх над здравым смыслом. Похоже, здесь легко промахнуться на один-два квартала.

Прохладный ночной ветерок пощипывал кожу сквозь мериносовый свитер. Я слушала, как чемодан скребет по тротуару, и старалась не думать о Кэтрин Тейлор и выражении ужаса на ее лице.

Переулок сузился, и здания внезапно нависли прямо надо мной. Я задрожала и замедлила шаг. И нахмурилась: мне надо двигаться навстречу огням и потоку машин, а не наоборот. Достав телефон, я поняла, что отклонилась от маршрута – к счастью, ненамного: в предыдущем квартале свернула не туда и теперь нахожусь в одной улице от нужного места. Вообще-то можно пройти переулком до главной улицы...

Но что-то здесь не так. Я снова сверилась с картой. Название – переулок Колеса Кэтрин ¹⁵ – не внушало доверия. Это средневековое орудие пыток? К тому же имя Кэтрин в названии вызвало в воображении картины, которые лучше представлять в теплом безопасном номере отеля.

Сзади слышались шаги, эхом отражающиеся от стен. «Черт возьми, я не хочу никого встретить в такой час...» Я поспешила вперед, но из темноты передо мной вырос мужчина, перегородив узкий переулок. На нем были джинсы и серая толстовка с капюшоном, руки сжаты в кулаки. Он напрягся, словно готовясь напасть.

– Всё в порядке, детка? – поинтересовался он.

¹¹ Вторая супруга короля Англии Генриха VIII.

¹² Шотландский рыцарь, один из военачальников в войне за независимость от Англии 1296–1328 гг.

¹³ Места массовых захоронений жертв чумы.

¹⁴ Графическое изображение смайлика поцелуя.

¹⁵ Орудие пытки, названное, по легенде, в честь святой Екатерины Александрийской.

Повернувшись, я бросилась обратно к Миддлсекс-стрит. Эхо шагов сливалось с грохотом катящегося чемодана.

Ко мне, как призрак, скользнул еще один мужчина – это его шаги я слышала сначала. Сердце забилося.

– Ты куда это намылилась, красотка? – спросил он. Я едва разглядела его ярко-голубые глаза и копну светлых волос.

Моя рука дернулась к кобуре – точнее, к тому месту, где должна быть кобура, находишься я в Штатах. Любимый «Глок» не смог сопровождать меня в поездке.

Мужчины подступили ближе. Блондин ухмыльнулся, оглядев меня с головы до ног:

– Ты разве не знаешь, что в Сити разгуливает убийца? Не хотелось бы, чтобы он выпоtroшил твоё прелестное маленькое тельце... Это было бы ужасно.

– Позволь нам позаботиться о тебе, – сказал мужчина за спиной. – Для начала просто будь с нами поласковее. Ты ведь умеешь хорошо себя вести, правда?

Мои губы искривила мрачная улыбка. На тренировках мне приходилось сдерживаться, чтобы не сделать больно мужчинам в два раза крупнее меня. Вряд ли эти двое имеют хорошую подготовку. Я не причиню им вреда без необходимости, но готова, если придется. Я мысленно повторила свой девиз: «Будь вежлива и будь готова убить каждого встречного».

Блондин схватился за пах, демонстрируя тошнотворное возбуждение:

– А что у тебя под этим маленьким тесным свитерком?

Ладно. Похоже, вежливости надолго не хватит. Мой взгляд метнулся за спину блондина – туда, где переулок делал резкий поворот. Можно нырнуть за угол. Они бросятся вперед, поддавшись инстинкту хищника, а я выскочу и застану их врасплох.

– Простите, – я натянуто улыбнулась. *Всегда позволяй противнику недооценивать тебя.*

Я ослабила хватку на ручке чемодана: если на то пошло, вернусь за ним позже.

– Простите, – повторила я, протискиваясь мимо блондина. Если они отпустят меня целой и невредимой, на том и закончим.

Но блондин стоял так близко, что мне пришлось потереться об него, проходя мимо. Он издал одобрительный возглас и схватил меня за задницу. Я едва подавила отвращение и бросилась бежать, создавая впечатление испуганной женщины – жертвы. Я тяжело дышала, и это было уже не притворством. Добежав до угла, нырнула за него, прислушиваясь к приближающимся шагам. Когда блондин завернул за угол, я бросилась вперед, опустив плечо, и ударила его в живот. Всё вышло как надо – он рухнул навзничь, хотя оказался намного тяжелее, чем я ожидала: как кирпичная стена.

Но, что оказалось хуже, он мгновенно вскочил на ноги неожиданным кошачьим движением. Его скорость встревожила: слишком быстро для нетренированного отморозка.

Его подельник бросился на меня, и я инстинктивно заехала ему кулаком в нос. Звук хрустнувшей кости эхом отразился от стен, нападающий с воплем отшатнулся.

Я повернулась к блондину. Теперь я между двух огней, бежать некуда. Переулок такой узкий, что любой может полностью перегородить его.

Лицо блондина исказила гримаса ярости.

– Сейчас я оседлаю тебя, сучка, и тогда повеселимся, – прорычал он. Его голос напоминал скрежет наждачной бумаги по дереву. – И когда ты попадешь на мой фитиль, я не стану нежничать.

Он сделал выпад, пытаясь схватить меня. Я отступила на шаг и двинула ему коленом в пах. Он сложился пополам, что-то бормоча на непонятном языке. И все же от этих странных звуков волосы у меня на затылке встали дыбом. Мужик поднял лицо, наши взгляды встретились. Его глаза мерцали в темноте кроваво-красными кругами. Я оцепенела от такого зрелища и почувствовала, как меня обхватили чьи-то руки. Его дружок напал сзади. Его хриплый шепот слюнявил мне ухо:

– Попалась, детка...

Он держал меня в тисках, прижимаясь бедрами. Несмотря на сломанный нос, этот тип явно испытывал наслаждение. Я мигом запаниковала. Обычно я не проигрываю в драке. Что такое с этими парнями? Какой-то допинг?

Я попыталась ударить его локтем в живот, но не смогла сдвинуть руку дальше, чем на несколько дюймов. Всклипнув, услышала его смех – и опустила голову.

А потом откинула ее назад, ударив мужчину по лицу.

Сломанный нос сам по себе – страшная боль. Но какой бы ни был твой болевой порог, если кто-то ударит тебя по уже сломанному носу, ты упадешь. И мужик упал, заорав и схватившись за лицо. Его вопли звучали музыкой.

Но не успела я порадоваться победе, как блондин изо всех сил заехал мне в живот, выбив из меня воздух. Я отшатнулась, он шагнул вперед. При лунном свете в руке блеснуло лезвие.

Я прижалась спиной к стене, сползая на тротуар. Страх подступил к горлу, диафрагма сжалась, легкие боролись с болью.

Что-то сильно ударило меня в левое ухо, и череп словно взорвался от боли. Парень со сломанным носом двинул меня ногой по голове. Боль разорвала мозг на части, в глазах помутилось. Я отшатнулась и рухнула на землю.

Мир погружался в темноту. Сквозь пелену растерянности в голове зазвенело давно похороненное воспоминание. Женский крик. *Гораций, не надо!*

Внутри все сжалось. *Нет, не сейчас...* Усилием воли я сосредоточилась, цепляясь за сознание, – и снова оказалась в переулке. Голова болезненно пульсировала и кружилась.

Блондин шагнул вперед. Его красные глаза сверкнули, а голова странно дернулась, как у делающей выпад рептилии, и он плюнул в меня. Я инстинктивно откатилась в сторону, и плевков пролетел в нескольких дюймах. Раздался странный шипящий звук, я взглянула на тротуар. В том месте, куда попал плевков, асфальт шипел и плавился. *Какого хрена?*

По земле клубился туман, его серое покрывало делало асфальт почти невидимым.

Температура словно упала градусов на десять – конечно, это последствия сотрясения мозга. Тело горело странной энергией, хотя голова по-прежнему кружилась от удара.

Человек с ножом угрожающе оскалился и шагнул в мою сторону. Но не успел он что-то сделать, как его вдруг отшвырнуло в сторону, как тряпичную куклу.

Мозг напряженно пытался понять, что происходит.

В том месте, где только что стоял нападавший, виднелся темный силуэт. Кто-то третий. Такой высокий, что на секунду я решила, что это Габриэль. Но мужчина оказался еще выше него – как минимум шесть футов пять дюймов¹⁶. Широкие плечи закрывали ночное небо, за спиной развевался плащ цвета мха с медной застежкой спереди в форме головы оленя.

Сквозь пелену я разглядела его густые золотистые волосы. Изумрудно-зеленые глаза пронзали туман, и в этом сверкающем взгляде было что-то хищное. По спине у меня пробежала дрожь. *Это не человек...*

Я схожу с ума. Значит, здорово мне дали по голове...

Парень со сломанным носом зарычал, бросившись на нас с ножом в руке. Новоприбывший двигался размытым зеленым пятном – так стремительно, что я не могла уследить за ним и только слышала треск.

Нападавший застонал и выронил нож.

Ухватившись за стену, я попыталась встать; в голове еще туманилось после удара.

Гигант боролся со вторым нападавшим сверхъестественно плавными движениями. Отморозок пролетел футов шесть и рухнул, ударившись головой о тротуар, – на этот раз без эффектного внезапного вскакивания.

¹⁶ Ок. 196 см.

Наконец оба нападавших поднялись на ноги, намереваясь сбежать. Я бросилась за ними, но гигант вцепился мне в руку железной хваткой.

– Оставь их, – прорычал он.

От его хватки по всему моему телу неожиданно пробежал электрический разряд. Мне жутко захотелось еще разок пнуть этих отморожков в рожу – или вызвать полицию. Но прикосновение незнакомца остановило меня. От него исходила какая-то неестественная сила, приковавшая меня к месту.

Я медленно повернулась к нему – и, когда наши взгляды встретились, оцепенела.

Его зеленые глаза впились в меня, пальцы всё еще крепко сжимали мою руку. У меня возникло ощущение, что он сдерживается. И что он гораздо опаснее тех двоих, которых сейчас прогнал. От него исходила явная угроза, словно тугая смертоносная спираль.

И все же его странная хищная красота гипнотизировала, а взгляд прекрасных глаз что-то пробудил в моем мозгу – грезы и шепот о лесных свиданиях на постелях из мха, когда пальцы дико и самозабвенно впиваются в землю...

Несмотря на грубую мужественность, его губы казались очень чувственными. Зеленые глаза в обрамлении черных ресниц были прикованы ко мне – видимо, он был очарован так же сильно, как и я.

Я уставилась на точеные черты его лица, потом перевела взгляд на тело. Под зеленым плащом мощную мускулистую грудь облегал серый свитер, с виду чертовски дорогой. Мое сердце непроизвольно заколотилось.

От него пахло мхом и дубом. Казалось, какая-то сила наэлектризовала воздух между нами.

Я поняла, что не могу пошевелиться. Виной тому был то ли мой страх, то ли чувственный взгляд незнакомца... Никто и никогда раньше не смотрел на меня *так*. Я почувствовала, как все мое тело откликается на этот взгляд и по нему разливается жар.

Незнакомец заворчал, скользя по мне взглядом, осматривая разорванную одежду, задерживаясь на моих изгибах. У меня возникло странное ощущение, что он видит меня сквозь одежду в мельчайших подробностях – вплоть до вытатуированного под правой грудью латинского изречения. Гигант снова поднял глаза, задержавшись на моих губах. Его темные брови зачарованно нахмурились. Не знаю, что на меня нашло, но я облизала губы, и его тело напряглось. Он зарычал – по-настоящему зарычал – и переместил свою руку с моей руки мне на затылок.

Я смотрела на него, и меня раздирали два противоречивых желания: одно – продолжать смотреть, другое – покорно опустить взгляд. Я поборолa второе желание, уставившись ему прямо в глаза.

Нужно бежать.

Но я не хотела.

Я привыкла чувствовать эмоции других людей, их страх или волнение. Обычно они исходили от толпы, бурлящей от сильных эмоций. Но сейчас я чувствовала, как из его мощного тела исходят две эмоции, как в его сознании бушует война. С одной стороны – желание, с другой – чистая ярость.

Пока я смотрела на него, его глаза из зеленых стали бледно-янтарными, как солнечный свет. Да, мне точно следует бежать со всех ног...

Он наклонился, его дыхание согревало щеку.

– Прекрати это.

– А что я должна прекратить? – выдавила я. Я ведь ничего не делала – только представляла, как мое голое тело скользит по его телу...

Он запустил пальцы в мои волосы и стиснул их. Наши тела оказались совсем близко, мои острые груди касались его груди. Я почти чувствовала, как рядом бьется его сердце.

Он запрокинул мою голову, обнажая шею.

– Я знаю, что за игру ты ведешь... – Он говорил словно в трансе, но его движения были точными и контролируемыми. Его колено мягко вклинилось между моих ног, заставив их раздвинуться.

– О чем ты? – выдохнула я.

Он наклонился, задев зубами мое горло. Прикосновение теплого рта к коже вызвало прилив горячего желания, я услышала собственный легкий стон. Другая рука незнакомца нащупала мое бедро, по-хозяйски сжимая его. Его большой палец задержался в опасной близости от моей талии, скользя все ниже по обнаженной коже, по впадинке между бедрами. Даже такое легкое прикосновение воспламенило меня, и я непроизвольно подалась навстречу, желая большего.

– Ты ведь даже не знаешь, кто ты такая? – прорычал он. – И все же ничего не можешь с собой поделать...

Его акцент был не совсем английским – в смысле не лондонским, как у тех двоих. Какой-то другой... может, шотландский? Впрочем, сейчас мне было все равно. Я хотела лишь одного – запустить руки ему под одежду.

Мой пульс участился, я почувствовала сильнейшее желание поцеловать незнакомца. А когда подняла глаза, лунный свет упал ему на лицо.

И тут мое сердце замерло. К моему ужасу, прямо над его лбом мерцали золотые рога. Игра света? Или это измученный мозг сыграл со мной злую шутку?

Я в панике зажмурилась. Я схожу с ума... Рано или поздно это должно было случиться...

– Отойди! – рявкнула я. – Не хочу, чтобы ты прикасался ко мне.

Он медленно отпустил меня, отступив на шаг, и я снова открыла глаза. Радужки незнакомца вернули зеленый цвет, странные рога исчезли.

Его губы скривились, словно он испытывал отвращение к самому себе. Воздух вокруг остыл, туман сгустился.

– Тебе не нужно просить дважды.

– Я не знаю, что сейчас было... Меня ударили по голове.

Он попятился, прищурившись.

– Ты и сама не знаешь, кто ты, и все же я готов поспорить, что ты питаешься страхом. – В его низком рычащем голосе чувствовалось отвращение. Что-то в его тоне напугало меня. – *Пиявка страха.*

У меня пересохло во рту. Откуда ему знать, как я отношусь к страху?

– О чем ты?

Он сжал кулаки, словно сдерживаясь, чтобы снова не прикоснуться ко мне. Или, может, чтобы не задушить меня...

Мое тело начало возвращаться к обычной температуре, но сердце еще колотилось.

– Что ж, спасибо за помощь. Наверное, тебе стоит прогуляться где-нибудь в другом переулке.

Я увидела, как побелели костяшки его пальцев, а челюсти сжались. Он кивнул в ту сторону, откуда я пришла.

– Ты оставила там свою тачку.

– Мою что?

– Ты ранена, – враждебно произнес он. – Ты выглядишь слабой. Я могу помочь тебе с твоей тачкой.

– Какая еще тачка? – огрызнулась я. – Ты имеешь в виду мой чемодан?

– Чемо-дан... – Гигант произнес это слово как в первый раз. Словно изучал новый язык. – Не похоже, что ты с ним справишься. – Его губы презрительно скривились.

Я ничем не могла объяснить то непреодолимое влечение, которое испытывала к нему всего несколько секунд назад, потому что он оказался явным уродом. Неужели я правда видела рога? Наверное, это психический срыв после нападения плюс травма головы...

Конечно, выглядит он как бог, но в нем что-то не так. Что-то хищное и дикое, как будто он сдерживался, чтобы не утащить меня в качестве трофея. О том, чтобы попросить его проводить меня до полицейского участка, не могло быть и речи. Ему там нечего делать. Его мощное тело с тугими мускулами источало угрозу и жестокость. Вряд ли он чист перед законом. Я вообще заговорила с ним только потому, что он пытался мне помочь.

– Со мной все будет хорошо, спасибо.

Едва произнеся это, я почувствовала головокружение и споткнулась. Его рука метнулась, как молния, схватив меня за запястье. И снова при соприкосновении по телу пробежал электрический разряд.

Я отдернула руку, свирепо глядя на него:

– Я уже сказала: я в порядке.

И пошла прочь, вдруг отчаянно желая оказаться как можно дальше от этого места. Через несколько шагов мне пришлось в голову, что может понадобиться его имя, чтобы подать заявление в полицию. Но когда я повернулась, переулок снова был совершенно пуст.

У меня сжалось в груди. *Вот же дерьмо...* Я определенно схожу с ума. А учитывая историю моей семьи, это очень опасно.

* * *

Я рухнула на застеленную гостиничную кровать. Голова раскалывалась от полученных побоев.

Звонок в полицию занял добрых десять минут. Я и так была на грани, и веселая музыка в телефонной трубке чуть не свела меня с ума.

Диспетчер городской полиции – надо отдать ей должное – ответила мгновенно. Она очень вежливо объяснила, что, поскольку преступление произошло в Сити, а не в Большом Лондоне, звонок нужно перевести – то дело полиции Сити. Меня быстро перевели. Диспетчер Сити обрадовался, что прямо сейчас мне не грозит опасность, и перенаправил меня к дежурному констеблю, который спросил, может ли это подождать до утра. Когда я сказала, что нет, меня перевели в режим ожидания. Опять.

Музыка продолжала играть в правом ухе – левое все еще пульсировало после удара, и я не собиралась подвергать его дальнейшим испытаниям.

Хотя бы номер в отеле оказался роскошным – чистым и современным: серые шторы, изящное красное кресло, подвесные потолочные светильники, наполняющие комнату маслянистым светом. Лежа на огромной кровати, я посмотрела в зеркало и ужаснулась: вся в грязи, волосы растрепаны, голубые глаза широко распахнуты – последствия шока... Выгляжу как сумасшедшая. Что, возможно, не так далеко от истины.

Неужели тот красноглазый плюнул в меня кислотой? И я действительно видела золотые рога и глаза? Не говоря уже о нечеловеческой скорости и проворстве... Не к добру это. Остается только молиться, чтобы галлюцинации оказались последствием травмы головы, а не началом психического заболевания.

– Спасибо, что подождали, мисс Лидделл, – раздался голос женщины-констебля.

– Ничего страшного. Я хочу подать заявление. На меня напали двое мужчин в переулке Колеса Кэтрин час назад.

– Вам нужна медицинская помощь?

– Нет, кажется, я в порядке...

Мои пальцы коснулись синяка на животе, и я поморщилась. В голове до сих пор пульсировало. Да и черт с ней; сейчас мне не хотелось, чтобы меня осматривал врач.

– Я просто хочу заявить о нападении.

– Понимаю, мисс Лидделл. Почему бы вам не прийти к нам завтра и подать заявление? Я еле сдержалась, чтобы не наорать на нее. Как бы это сформулировал британец?

– Вам не кажется, что завтра будет немного поздновато?

– Если вы завтра подадите заявление...

– Чушь. К тому времени они уже будут далеко. – Я решила покончить с любезностями.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Наверняка они давно сбежали.

Я уже не знала, как подступиться.

– Может... послать туда патруль? Это в десяти минутах езды. Вдруг они встретят двух ублюдков, которые пытались меня убить?

– Мы мало что можем. Меня саму ограбили в прошлом месяце. Вам следует быть осторожнее.

Я моргнула. Очевидно, полиция здесь действует по-другому...

– Вы серьезно?

– Да. Наши возможности ограничены. Лучше всего вам прийти завтра утром и написать заявление...

– Знаете что? Забудьте.

Я повесила трубку, кипя от злости. Завтра расскажу об этом Габриэлю. По крайней мере, он показался мне серьезным полицейским...

Измученная, я протерла глаза. Здесь почти три часа ночи, но на Восточном побережье Штатов только десять вечера. Скарлетт, наверное, еще не спит.

Я взяла телефон и отправила сообщение.

Кажется, я схожу с ума. Сегодня вечером видела очень странную хрень.

Через секунду на экране телефона появилось зеленое облачко ответного сообщения:

Добро пожаловать в мой мир. Что ты видела?

Я тяжело вздохнула.

Если я начну сходиться с ума и писать тебе всякую белиберду, пообещай позаботиться, чтобы мне давали таблетки.

Конечно, – напечатала Скарлетт. – Но ты не сходишь с ума. Выпей «Манхэттен», а утром съешь классический английский завтрак.

Я швырнула телефон на кровать. Английский завтрак – неплохая мысль.

Нужно поспать, но сначала очень хотелось принять душ. Все тело в грязи, на щеке сбоку отпечаток подошвы, я пропиталась тухлым запахом смерти с места преступления...

Я встала и направилась в сверкающую белым кафелем ванную. Там включила воду и отрегулировала температуру, пока она не стала такой горячей, что можно заваривать чай. Стянула разорванный свитер и выбросила в мусорное ведро; его уже не зашить. Расстегнула молнию на сапожках, сбросила остальную одежду и встала под душ; по коже заструилась вода...

Стоя в клубах пара, я невольно подумала о незнакомце – его пальцах, стиснувших мои бедра, его мягких губах на моей шее. Провела пальцем вниз по груди и ниже, к копчику – туда, где он схватил меня. Соски затвердели. Если закрыть глаза, можно почти ощутить мускусный запах его мускулистого тела. Почти почувствовать, как его рот скользит вниз, к моему пупку...

Я снова открыла глаза. Хватит думать о нем. Не знаю, что с ним стало, но нужно взять себя в руки.

Я схватила маленькую бутылочку шампуня с ароматом ванили, вылила на ладонь и взбила густую пену, заставляя себя не вспоминать тот жар, который растекся по телу от при-

косновений незнакомца. Надо сосредоточиться на чем-то несексуальном: миногах, налогах, британских политиках, состоящих в сомнительных отношениях со свиньями ¹⁷...

Стоя под водяными струями, я отключилась всего на секунду.

Гораций, не надо! Ее крик за стеной. Спрятавшись под столом, я зажала уши руками. Хотела зажмуриться, но не смогла – и увидела, как кровь струйкой стекает по ее губам...

Мои глаза распахнулись, дыхание участилось и стало прерывистым. Глупо. Как глупо... Я прислонилась к стенке душа, чтобы не упасть.

Воображение подсовывало невероятные видения. Давно забытая травма. Нападение, которое я слышала, но не видела. Ведь тогда, много лет назад, меня на самом деле там не было, я не могла видеть кровь на ее губах...

Тело напряглось. Я сделала все, что в моих силах, чтобы не думать об этом.

Глаза защищало от слез. Похоже, собственный разум наказывает меня самым худшим из всех возможных способов...

Почему я занимаюсь такой стрессовой работой, особенно учитывая мое прошлое? Могла бы стать школьным психологом или консультантом по наркозависимости. Кем-то, кто помогает живым людям расти, развиваться. Звучит заманчиво, но... не привлекает.

По словам мужчины с козлиной бородкой, который преподавал консультативную психологию в Тафтсе ¹⁸, все судебные психологи – «наркоманы, подсевшие на травмы». Козлобородый – клинический психолог – полагал, что профайлеры вроде меня занимаются мертвецами и извращениями, потому что сами ущербны. И для нас это способ сублимировать собственные садистские порывы во что-то социально приемлемое. Придурок...

Мы спорили с ним – и не только об этом. По его словам, личность, темперамент, интеллект – все целиком определяется генами, наследственностью (вопрос: а зачем тогда вообще нужны психологи?).

Но это привело к пониманию истины, почему мне нужно разобраться в мышлении убийц. Мне *нужно*, чтобы зло порождалось окружением преступника. И доказать, что это так и есть, стало для меня делом всей жизни. Я хотела понять, как прошлое психопата сделало его таким: жестокие родители, поврежденный мозг, сексуальное насилие – как все вместе создало монстра. Вот настоящая причина, по которой я занимаюсь мертвецами и извращениями...

Я выбросила из головы старые избитые доводы, выключила кран и вышла из душа, чувствуя, как теплая вода стекает по телу. От холодного пола по ногам пробежали мурашки. Я взяла мягкое белое полотенце и вытерлась, оставляя мокрые следы на полу ванной.

Наконец-то этот тяжелый день закончился. Остается почистить зубы и спать.

Проходя мимо зеркала в ванной, я краем глаза заметила странное движение. Резко обернулась и напряглась. Что там, черт возьми? Будто я что-то увидела в зеркале... Да нет, показалось – просто мозг сыграл со мной злую шутку.

У меня вырвался вздох. Здесь только зеркало и страх, отразившийся в моих голубых глазах.

Секунду назад всё выглядело... по-другому. Как будто здесь кто-то посторонний.

Видимо, события этой ночи повлияли на мои чувства. Но это же не означает, что я схожу с ума?

Я водрузила чемодан на кровать, расстегнула и стала рыться в нем, пока не нашла пару черного нижнего белья и ночную рубашку на бретельках. Когда натягивала рубашку, хлопчатобумажная ткань прилипла к влажной спине: я слишком устала, чтобы вытереться как следует.

¹⁷ Кассандра вспоминает 1-й сезон знаменитого британского телесериала «Черное зеркало».

¹⁸ Университет Тафтса – частный исследовательский университет в США, штат Массачусетс.

Прихватив дорожную косметичку, я вошла в ванную комнату – и тут же застыла; по спине медленно пробежала дрожь. Я была почти уверена, что в зеркале снова что-то промелькнуло... что-то, чего там уже нет.

Я закрыла глаза, глубоко дыша через нос. Ладно. В следующий раз, когда такое случится, запишусь к психотерапевту. Если мне и суждено впасть в безумие, то буду вести себя как можно ответственнее.

Нельзя становиться такой, как мой отец.

Глава 4

Я стояла возле «Старбакса». Раннее утреннее солнце заливало Бишопсгейт янтарным светом.

На плече сумка с ноутбуком, в руке стаканчик латте. Я была почти готова встретить новый день – как только проглотила две таблетки тайленола. Надеюсь, они помогут справиться со сменой часовых поясов и вчерашними ударами по лицу и легким.

На глаза попала газета, оставленная кем-то на столике «Старбакса»: «Каждый пятый мусульманин в Британии – приверженец джихада». Такой заголовок – просто языковое преступление: я уже представила всплеск ксенофобии, которая вот-вот захлестнет город. Так что, если в ближайшее время мы не поймаем убийцу, Лондон сам найдет козлов отпущения.

Я взглянула на свое отражение в темном стекле: все *не так уж* и плохо. Я замазала консилером растекшийся сбоку на лице синяк баклажанного цвета. На мне было приталенное серое платье, черная кожаная куртка и сапожки, на которых остались едва заметные следы крови того ублюдка. Волосы спадали на плечи аккуратными волнами, на щеках благодаря легкому макияжу появился здоровый румянец. Никто не заметит, что я всю ночь занималась исследованием.

Я перешла улицу, направляясь к полицейскому участку, и, на ходу доставая из кармана телефон, увидела, что Габриэль уже ждет меня у входа. В золотистом утреннем свете, в темной рубашке и брюках, он выглядел невероятно красивым.

– Доброе утро, агент Лидделл. – Он протянул мне бейдж посетителя.

– Кассандра, – поправила я, засовывая бейджик в карман.

Он бросил на меня суровый взгляд.

– Вы должны надеть его, когда находитесь в участке.

– Серьезно? Я же почти все время буду с вами.

Габриэль выгнул бровь, подтверждая тотальную британскую приверженность протоколу и правилам. Я вздохнула и нацепила бейдж. Ненавижу, когда меня помечают как посетителя, даже если так и есть. Губы детектива изогнулись в подобии улыбки: он был явно доволен, что я не собираюсь демонстрировать американский индивидуализм.

Знай он, что привиделось мне прошлой ночью, наверняка бы забеспокоился...

– Идемте, – Габриэль распахнул дверь. – Утреннее девятичасовое совещание уже началось.

– Ладно, показывайте дорогу.

Он быстро вошел внутрь; я поспешила следом, чтобы не отстать. Когда мы проходили мимо дежурного полицейского, я заметила, что над его столом висит огромная эмблема – два дракона, ползущие вверх по щиту, и латинская фраза *Domine Nos Dirige*: «Господь, направь нас».

Я нахмурилась. Наверное, констебль, с которой я говорила накануне, тоже полагалась на Всевышнего, рассчитывая, что Он поймает напавших на меня. Вместо того чтобы послать патруль...

Габриэль повел меня вверх по лестнице. Я хотела поговорить о вчерашнем нападении, но он очень торопился. Часы показывали чуть больше девяти, и детектив был явно не в восторге из-за нашего опоздания.

– Что за совещание? – поинтересовалась я, пока мы поднимались.

– Приказ старшего инспектора Вуда: каждое утро в девять должны собираться все, кто задействован в расследовании по делу серийного убийцы.

Судя по голосу, констебль Стюарт был возмущен. Я была солидарна с ним: в ФБР совещания и бумажная волокита – просто хлеб насущный. У нас проводились совещания по поводу

того, какие еще совещания следует провести, так что утреннее совещание по расследованию дела – еще не самый плохой вариант. Но, наверное, для полицейских Сити такое непривычно.

Мы поднялись по лестнице, миновали короткий ярко освещенный коридор, где наши шаги эхом отражались от потолка, и дошли до большой двери справа. Габриэль постучал и открыл, не дожидаясь ответа.

Я последовала за ним в просторное помещение, большую часть которого занимал длинный стол из красного дерева. Во главе его восседала огромная фигура старшего инспектора Вуда. Полдюжины человек на стульях по обеим сторонам обернулись к нам. Стрелка больших круглых настенных часов показывала 9:03. Я почувствовала себя школьницей, опоздавшей на урок алгебры.

Габриэль указал на меня:

– Спецгент Кассандра Лидделл, ФБР. Она не знала о сегодняшнем совещании. беру на себя всю ответственность за наше опоздание.

Я вдруг почувствовала себя идиоткой из-за того, что задержалась в «Старбаксе» со своим кофе. Обойдись я без латте, пришла бы вовремя.

Я подняла руку, то ли приветствуя, то ли отдавая честь, и смущенно улыбнулась. Кто-то кивнул в ответ, остальные непонимающе уставились на меня.

– Мы что, работаем с ФБР? – вкрадчиво поинтересовался лысый толстяк. Это уже похоже на открытую конфронтацию. Хотя может стать еще хуже.

– Я из отдела поведенческого анализа в Вирджинии, – ответила я. Хорошо бы произвести на них впечатление своей квалификацией. Но я не хотела хвастаться, подтверждая худшие подозрения относительно американцев. – Занимаюсь серийными убийцами. Здесь я на тот случай, если вам пригодятся мои навыки составления психологических профилей. И для того, чтобы перенять ваш опыт.

– Очень хорошо, – громогласный голос Вуда напоминал раскаты камнепада. – Пожалуйста, садитесь.

Я отодвинула стул, заняв свободное место рядом с Габриэлем, и сняла с плеч сумку с ноутбуком.

Вуд начал представлять сидящих за столом, а я старалась запомнить имена и звания. Жасмин Скотт – детектив из Скотланд-Ярда. Склонный к конфликтам лысый толстяк – Филип Беннетт из НКА ¹⁹, которое часто называют британским ФБР. Два детектива из полиции лондонского Сити – Холли Патель и Бен Патель (Бен тут же пояснил, что они не родственники). Детективами не были только доктор Джеймс Диксон – судебный патологоанатом в круглых очках с такими толстыми стеклами, что их не пробить и пулей, – и судмедэксперт Грейси Лоу (она единственная улыбнулась мне и тем самым заслужила мою любовь навеки).

На другом конце стола Вуд сложил пальцы домиком. Он был по-своему красив, с серебристыми волосами и прямыми черными бровями. Старший инспектор поднял на меня серые глаза:

– Итак, чтобы ввести агента Лидделл в курс дела. Кэтрин Тейлор, женщина, убитая вчера, – четвертая в серии убийств. У всех жертв перерезано горло, тела изуродованы посмертно, вырезаны различные внутренние органы. Некоторые из этих органов найдены на месте преступления, другие так и не найдены.

– Спасибо, шеф. Я читала материалы и знакома с предыдущими убийствами.

– Хорошо... – Он забарабанил пальцами по столу. – В прошлые разы убийца, похоже, действовал очень аккуратно. На каждом месте преступления обнаружено множество отпечатков пальцев, но места эти публичные, так что ничего удивительного. Мы не нашли никаких совпадений по отпечаткам.

¹⁹ NCA – британское правоохранительное агентство по борьбе с наиболее серьезными формами преступности.

Я сразу подумала, что убийца действовал в перчатках.

– Записи с камер наблюдения ничего не дали, – продолжил Вуд. – Видимо, убийца знает об их расположении и намеренно избегает их. – Он потер переносицу. – Мы подключили ФБР, потому что имеем дело с беспрецедентной паникой. Газеты окрестили этого парня «Террористом-потрошителем». Страдает бизнес, в рестораны почти никто не ходит. Женщины, работающие в Сити, остаются дома. Уже были нападения на двух мужчин, которых приняли за так называемого Потрошителя. Учитывая количество серийных убийц в Америке, нам не помешает воспользоваться вашим опытом. Лондонское отделение ФБР не смогло помочь, поэтому им пришлось прислать вас. – Он откашлялся. – Откровенно говоря, правоохранители Соединенного Королевства не слишком жалуют судебную психологию...

Для себя я перевела это так: «Почти все мы здесь считаем, что такие, как вы, бесполезны».

– У нас уже был... несколько неудачный опыт общения с профайлерами-криминалистами. Но, как я уже сказал, ситуация становится все хуже и хуже.

Я сохраняла бесстрастное выражение лица. Всё в порядке. Он ясно дал понять, что я здесь никому не нужна, но они в таком отчаянии, что готовы иметь дело с кем угодно. Я задумалась, не рассматривали ли они вариант с медиумом, прежде чем пасть так низко.

– Господи, да мы на прошлой неделе даже к медиуму обращались! – словно прочел мои мысли детектив Бен Патель.

Зашибись...

Вуд, бросив на Бена суровый взгляд, продолжил:

– Давайте обсудим последнее убийство. – Он взглянул на Габриэля. – Констебль Стюарт, ваши соображения?

Габриэль откашлялся:

– Кэтрин Тейлор, девятнадцать лет, студентка Голдсмит-колледжа из Эссекса. Снимала квартиру в Нью-Кроссе с соседкой Джеммой Робертс. У Кэтрин было тяжелое расставание с бойфрендом, но это было уже год назад. Вчера вечером Кэтрин сказала соседке, что идет прогуляться. Джемму не позвала. Кажется, они были в ссоре уже несколько месяцев.

Я нахмурилась.

– Известно, что Джемма делала вчера вечером?

– Она была в пабе в Нью-Кроссе ²⁰. Ее стошнило на одного из завсегдатаев. Наша жертва вышла из квартиры одна в половине седьмого. Мы пока точно не знаем ее маршрут, но тело обнаружили на Митр-сквер в одиннадцать двадцать. Есть версия, что убийца специально искал женщину по имени Кэтрин и караулил ее возле дома, уже зная имя и адрес. Возможно, она пошла с ним добровольно: скажем, он уговорил ее вместе погулять в Сити и выпить, и они поехали на надземке ²¹.

– Чем вы сейчас заняты? – спросил Вуд.

– Бен проверяет пабы Нью-Кросса – может, найдем свидетелей, которые видели ее вчера вечером... Холли занимается камерами наблюдения на юго-востоке Лондона и в этом районе, а еще в надземке. Я опрашиваю друзей и родственников.

Вуд взглянул на доктора Диксона:

– Хорошо. Отчет о вскрытии готов?

Диксон поправил толстые очки на переносице.

– Причина смерти – обескровливание. – Он взглянул на меня. – Потеря крови.

– Спасибо за разъяснение.

²⁰ Район на юго-востоке Лондона.

²¹ Лондонское надземное метро, система пригородно-городского железнодорожного транспорта в Большом Лондоне и Хартфордшире.

Да, они точно держат меня за идиотку. Возможно, из-за моего акцента.

– Сердце и левая почка жертвы отсутствуют, – продолжил эксперт. – Увечья на туловище нанесены посмертно. Однако порезы на лице сделаны при жизни. – Он снова взглянул на меня. – Перед смертью.

Не обращая внимания на его снисходительность, я напряглась. Я ведь надеялась, что убийца не уродовал ее, пока она была жива. Это не совпадало ни с подписью настоящего Потрошителя, ни с предыдущими убийствами нашего преступника.

Доктор Диксон откинулся на спинку стула:

– Я нашел под ногтями жертвы частицы кожи.

Габриэль нахмурился.

– Похоже, на этот раз убийца оказался неосторожен. Он решил, что Кэтрин мертва, и наклонился, чтобы порезать ее на куски. Но она была еще жива и умудрилась поцарапать его.

Я медленно кивнула:

– И поэтому он изуродовал ей лицо перед смертью...

– Может быть, – согласился Габриэль. – Очень вероятно, что он разъярился и хотел наказать ее.

– Возможно, – Диксон повертел авторучку. – В любом случае полный отчет о вскрытии пока не готов. Но есть кое-что необычное. Закончу завтра утром.

– Хорошо. – Вуд кивнул. – Лоу, есть совпадение по ДНК?

Грейси покачала головой:

– С анализом что-то не так. Сегодня повторно проведу тесты.

Вуд нахмурился, явно раздраженный:

– Что значит «не так»?

– ДНК вроде бы в порядке, но ни один из STR-локусов ²² не амплифицируется ²³ должным образом. Я просто хотела перепроверить, возможно ли... – Она нахмурилась. – Есть ли вероятность, что вы... – И замолчала.

Похоже, именно так британцы ставят под сомнение действия начальства.

Грейси откашлялась и предприняла новую попытку:

– Возможно ли, что кто-то случайно перепутал образцы? – Под конец фразы ее голос сорвался.

Вуд напрягся:

– Исключено.

– Да, разумеется, – ее щеки порозовели. – Просто когда образцы не амплифицируются, это означает путаницу в исходных данных.

– По-английски, пожалуйста, – сказал Вуд.

– С образцом ДНК что-то не так, – объяснила Грейси.

– Отправьте в лабораторию НКА, если сами не можете разобраться, – Вуд повысил голос, давая понять, что тема закрыта. – Сейчас Министерство внутренних дел принимает дополнительные меры по борьбе с этой угрозой. Проводите задержания и обыски на свое усмотрение, и мы сможем допрашивать подозреваемых сколько угодно без доступа адвоката.

Вот почему старший инспектор Вуд весьма рад, что эти преступления расценивают как теракты. Ведь это ведет к расширению полномочий полиции. Следует не забывать о заголовках таблоидов и нарастающей ксенофобии. Но у меня возникло предчувствие, что, если я брошу прямой вызов такому альфа-самцу, как Вуд, ничего хорошего не выйдет. К счастью, один из моих любимых приемчиков – вести себя как беспомощная идиотка. И – опять же к счастью –

²² Участки ДНК.

²³ Амплификация генов – нарушение синтеза дочерних молекул ДНК, при котором вместо одной копии того или иного участка хромосомы образуется множество.

мой акцент уже сделал за меня полдела. Значит, можно попытаться заставить коллег взглянуть на вещи с моей точки зрения, не ставя под сомнение их авторитет. Всегда позволяйте противнику недооценивать вас.

Я подняла руку:

– Гм, у меня вопрос...

Вуд поднял брови:

– Да, Лидделл.

– Кто, по мнению общественности, совершает эти убийства? – Я широко раскрыла глаза и заморгала.

– Мы им ничего не говорили, – отрезал Вуд.

– Да, но как... как об этом сообщают СМИ? Когда у них нет ответов, разве они не придумывают что-нибудь сами?

Габриэль бросил на меня раздраженный взгляд. Похоже, он один понял, куда я клоню.

– Это важно? – прорычал Вуд.

Я прочистила горло, изо всех сил стараясь продолжать этот фарс:

– Просто я увидела газетный заголовок о мусульманах и джихадистах – и была сбита с толку. Мне даже не пришло в голову, что это может быть связано с терроризмом.

Вуд предостерегающе поднял бровь.

– Мы расширяем рамки понятия терроризма.

– И вас не беспокоит общественная безопасность и возможные нападения на иммигрантов? – Я все больше раздражалась, уже не в силах притворяться.

Вуд на секунду замолчал, его темные глаза сверлили меня насквозь.

– Мы учтем ваши соображения, Лидделл. Но мы вызвали вас составить психологический портрет убийцы. Какова ваша оценка на данный момент?

Габриэль покачал головой.

– Она прилетела только вчера вечером.

– Вообще-то, – ответила я, – у меня есть предварительный портрет.

Бессонная ночь имеет свои преимущества. Хотя я и опоздала на совещание, но пришла не с пустыми руками.

– Убийца – мужчина от двадцати до тридцати лет или чуть за тридцать. Не думаю, что он психопат...

– Вы не думаете, что он псих? – недоверчиво переспросил лысый Филипп. – Мы говорим о том самом убийце, который вырезает у людей внутренности и запихивает им в глотки детские стишки?

Значит, он готов к конфликту.

Я глубоко вздохнула.

– Я не считаю его психопатом в полном смысле слова. Вряд ли у него галлюцинации или бред. Он умеет планировать. Он читает газеты и принимает решения, основываясь на новой информации. Ему удалось найти некую женщину по имени Кэтрин и убедить ее пойти с ним. И его стишки вроде бы чушь, но в них выдержан ритм. Это не полная тарабарщина.

Габриэль задумчиво смотрел на меня.

– Вероятно, он хорош собой и поверхностно обаятелен, – продолжала я.

Вроде того незнакомца, который вчера ночью чуть не околдовал меня в переулке. Хотя не понимаю, зачем ему это. Ведь он явно злился на меня. При мысли о его руках на моем теле щеки снова запылали.

Двойкодышащие рыбы, налоги, британские политики...

– Откуда вы знаете, что он красивый и обаятельный? – скептически прервал мои размышления Габриэль.

Правильно. *Соберись, Кассандра.*

– Есть признаки, что три жертвы пошли с убийцей добровольно. В этом нет ничего необычного. Тед Банди ²⁴ убеждал своих жертв отправиться с ним в укромное место. И Джек-потрошитель наверняка был обаятельным. А поверхностное очарование – обычное качество психопатов. – Я выждала секунду, позволяя собравшимся осмыслить сказанное, и продолжила: – Несуб наверняка знает о Потрошителе и вдохновляется им. Но вряд ли он настолько одержим Потрошителем, как хотят нас убедить журналисты.

– *Несуб?* – опять переспросил Филипп.

– Неидентифицированный субъект расследования, – расшифровала я.

– Верно, – сказал Вуд. – А почему вы верите, что этот... субъект не одержим Потрошителем?

– Фанаты Потрошителя заиклены на местах убийств. Наш несуб поначалу не обращал на это внимания.

Габриэль сдвинул темные брови:

– Даже несмотря на то, что он убил Кэтрин на Митр-сквер?

– Да.

Констебль очень кстати подал мне реплику.

– Это произошло *после* того, как таблоиды окрестили его Террористом-потрошителем. Прозвище появилось только после третьего убийства. Раньше он был просто псих, а теперь – грозная реинкарнация Потрошителя. И он подыгрывает: находит женщину с подходящим именем, приводит ее в нужное место, подогревая всеобщий интерес и панику. Убийства – часть его фантазии, но общественный интерес тоже очень важен. С течением времени он будет делать другие вещи, чтобы привлечь больше внимания. Вроде той записки, найденной на месте преступления. Это подогреет фантазии журналистов и вызовет у них восхищение им. Не сомневайтесь, этот парень хочет славы. И он, скорее всего, стремится посеять панику, чтобы... – Я на секунду запнулась, вспомнив слова незнакомца в переулке прошлой ночью. – Его подпитывает страх других. Он питается им.

Я стиснула авторучку. Нет, конечно, он не похож на меня. Мой организм может странно реагировать на чужой страх, но я никогда не хотела никому причинять боль.

– Чего мы можем ждать от него? – спросил Вуд.

Я попыталась собраться с мыслями:

– Мы можем ждать...

Дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся констебль в перчатках с деревянным ящиком.

– Только что доставил курьер, сэр.

Я взглянула на ящик, и мой пульс участился. Его дно было мокрым.

Констебль осторожно поставил ящик на стол и открыл крышку. Все встали и наклонились, чтобы заглянуть внутрь.

К горлу у меня подступила тошнота, челюсть отвисла. Мне потребовалось мгновение, чтобы до конца понять, что у нас перед глазами. Это было сердце, блестящее от запекшейся крови. А спереди кто-то приколол к нему гвоздем записку.

Габриэль начал действовать первым. Он вытащил из кармана пару перчаток, натянул их, медленно снял листок с гвоздя и, держа перед собой, зачитал вслух:

Хикори-дикори-чпок²⁵.

Королева с медведем станцуют кружок

²⁴ Теодор Роберт (Тед) Банди (1946–1989) – американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е гг.

²⁵ Начало детской песенки «Hickory, Dickory, Dock»: Хикори-дикори-док! Мышь на будильник – скок! Будильник: «Бим-бом!» Мышка бегом! Хикори-дикори-док!

Трижды против стрелки часовой —
Еще одна простится с головой.
Кое-кто злой преподаст вам урок.

Когда он закончил чтение окровавленной записки, повисло долгое молчание. Потом Вуд повернулся к Грейси:

– Сделайте анализ этого. Отпечатки пальцев, ДНК и прочее. Только на этот раз убедитесь, что все нормально.

– «Еще одна простится с головой», – процитировала я. – Он дал понять, что еще не закончил.

Все собравшиеся повернулись ко мне.

– Он собирается убить снова. И скоро.

Глава 5

Утро промелькнуло как в тумане. Как только мы получили посылку от маньяка, атмосфера в полицейском участке накалилась. Одно дело – идти по следу убийцы, осматривая места преступлений, пытаюсь найти свидетелей, гадая, где он нанесет следующий удар. И совсем другое – получить посылку с человеческим сердцем.

По участку прокатилась волна еле сдерживаемой ярости. Я *чувствовала* ее – гнев пульсировал во мне, струился по венам гуще крови, затуманивал разум. Он придавал сил, обострял все чувства; но напряжение изматывало, любая мелочь выводила из себя. Когда Бен Патель мимоходом заметил, что мой бейджик посетителя прикреплен криво, я вскипела. Пришлось вцепиться в подлокотники стула, чтобы не наброситься на него, а мое лицо побагровело.

Поздним утром старший инспектор Вуд привел меня в комнату с голубыми стенами и с деревянными столами в два ряда. Он выделил мне место недалеко от Габриэля, познакомил с правилами и устройством полицейского участка: туалет дальше по коридору; никогда не опаздывать на совещания; траты на еду, купленную с семи утра до пяти вечера, будут возмещаться по чекам. Я кивала, пропуская мимо ушей большую часть его слов. ФБР в состоянии оплатить мои расходы.

Со своего места мне было видно, как нахмурившийся Габриэль склонился над запиской, пытаюсь расшифровать ее и позабыв обо всем остальном.

Я уселась напротив, открыла ноутбук и погрузилась в историю Джека-потрошителя. Как и сейчас, лондонцы тогда ополчились на иностранцев – хотя в девятнадцатом веке полиция старалась сдерживать гнев толпы. С тех пор всё изменилось.

Пока я сосредоточенно изучала карту викторианского Уайтчепела ²⁶, Габриэль повернулся ко мне:

– Кассандра, я отправил вам ссылку на аккаунт жертвы в «Фейсбуке» ²⁷ и пароль.

– Спасибо.

Я открыла электронное письмо и вошла в аккаунт с ее паролем – случайной последовательностью цифр и букв. Смотрела ее фотографии, и у меня перехватывало горло. Везде Кэтрин выглядела счастливой, почти сияющей. В свободное от колледжа время она подрабатывала на полставки инструктором по йоге. На многих фотографиях была в весьма эффектных позах: в бикини на пляже, на занятиях в позе лотоса, купаясь в свете свечей... Каштановые волосы заплетала в перекинутую через плечо рыхлую косу. В свободное время ходила в походы и ездила за город на пикники с шампанским. На снимках часто присутствовал рыжий персидский кот с комментариями о его сходстве с Уилфордом Бримли ²⁸. Нарядившись вчера вечером в красивое желтое платье для прогулки по Лондону, Кэтрин и не представляла, какой кошмар ее ждет.

Я с трудом сглотнула комок в горле. Не в первый раз меня охватывало отчаянное желание вернуться назад во времени и предупредить жертву, пока не поздно.

На одной из последних фотографий Кэтрин сидела на диване рядом с молодой крашеной блондинкой с пухлыми губами. Обе пили вино, улыбаясь в объектив поверх недоеденной пиццы. Когда я навела курсор на блондинку, появилось имя: Джемма Робертс. Соседка по квартире. Я кликнула на ее профиль и пролистала фотографии. На более поздних снимках

²⁶ Уайтчепел – исторический район Лондона, известный убийствами 1888–1891 гг., приписываемыми Джеку-потрошителю.

²⁷ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

²⁸ Энтони Уилфорд Бримли (1934–2020) – американский актер и певец.

Джемма слегка изменилась: неухоженные волосы с отросшими корнями, смазанная помада. От одного фото к другому она словно разваливалась на части. На одном из снимков Джемма стояла у дождливого окна, а на ее правой руке виднелась татуировка – череп под синими волнистыми волнами.

*Король червей
Рвет разум в хлам
Под толщей вод...*

– Габриэль, – позвала я, не отрывая взгляд от монитора. – Кто-нибудь вызвал Джемму Робертс? Соседку по квартире?

– Детектив Скотт попросил ее зайти.

Я откинулась на спинку стула.

– Я хочу поговорить с ней.

* * *

В тесной комнатке для допросов мы с Габриэлем сидели напротив Джеммы. Помещение вызывало чувство клаустрофобии – обитые мягким голубые стены на тот случай, если допрашиваемый выйдет из себя, деревянные стулья вокруг пластикового стола.

Свидетельница пристально смотрела на меня. Под длинными рукавами ее платья я не могла видеть татуировку в виде черепа.

Джемма барабанила пальцами по столу. Красный лак на обгрызенных ногтях наполовину облупился, темные корни волос отросли на три дюйма. Значит, с ней что-то не так уже примерно полгода. Вокруг голубых глаз растеклась черная тушь, контрастируя с бледной кожей. Возможно, она сидит на наркотиках, хотя в этом я не уверена.

– Мне сказали, что Кэтрин убили, – пробормотала она.

Краем глаза я заметила, что Габриэль смотрит на меня. Похоже, Джемму не слишком расстроила смерть соседки, но я хорошо умела скрывать реакцию на самое неожиданное поведение и осталась невозмутимой.

– Так и есть, – ответила я. – Полиция обнаружила ее тело на Митр-сквер.

Габриэль прочистил горло:

– В котором часу, вы сказали, Кэтрин ушла из дома?

Девушка грызла ноготь.

– Знаете, он же бог...

Так... Совсем неожиданно, но я по-прежнему сохраняла невозмутимость.

– Бог, – повторила я, надеясь подтолкнуть ее.

Джемма распахнула глаза и подалась вперед:

– Бог из Зеркального королевства. Он зовет меня. Он хочет, чтобы я была его слугой. – Она закусил губу. – И я хочу служить ему.

Теперь у меня появились два варианта диагноза Джеммы: шизофрения или биполярное расстройство первого типа. Учитывая продолжительность ее психоза, шизофрения казалась более вероятной, но это не точно.

– Расскажите о боге, – попросила я.

Джемма уставилась на обгрызенные ногти.

– Мне нужен стакан воды.

Я взглянула на Габриэля, приподняв брови.

– Ладно, – буркнул он и встал.

– Кэтрин знала о боге? – решила рискнуть я.

Джемма покачала головой.

– Он не говорил с ней так, как со мной. Он не выбрал ее.

Мания величия и бред... Но если спорить, ничего не добьешься. Нужно проникнуть в ее мир.

– Значит, бог избрал вас...

Она прищурилась, глядя на меня:

– Я жду свою воду.

И молчала, пока не вернулся Габриэль. Он подвинул стакан с водой через стол и спросил:

– Из-за чего вы с Кэтрин поссорились?

Я бросила на него взгляд, означающий «немедленно заткнись».

– Бог избрал вас, – повторила я. – Он хочет, чтобы вы были его слугой.

Джемма взяла стакан и уставилась на воду.

– Боги требуют верности. Что, если Кэтрин принесли в жертву?

Я напряглась и под столом осторожно коснулась ноги Габриэля, давая ему знак не вмешиваться. Нужно действовать осторожно.

– Жертвоприношение?

Джемма медленно провела пальцем по ободку стакана.

– Давным-давно мы служили речным богам. Люди выстраивались на берегах, и им отрубали головы. – Она макнула палец в воду. – Голова –местилище души. Их черепа погружались под воду, полные мечтаний и страхов, ужаса и радости...

Джемма снова окунула палец в воду, словно изображая тонущий череп. Ее пристальный взгляд встретился с моим, и на секунду показалось, что в ее глазах мелькнуло изображение двух черепов с пустыми глазницами, вытаращившимися на меня.

Я моргнула, отгоняя видение. Нужно взять себя в руки, пока эта девушка не заразила меня психозом.

– Расскажите еще о жертвоприношениях, – попросила я.

Джемма уставилась на свой палец, все глубже погружающийся в воду. И, пока она делала это, в комнате сгустились тени, покрывая стены, словно растекающиеся чернила.

– Боги питаются всем, что делает нас людьми.

Я содрогнулась.

Габриэль подался вперед:

– Что вы сказали про воду?

Что ж, он тоже узнал. *Король червей рвет разум в хлам под толщей вод...*

Джемма вытащила палец из воды и облизала.

– Мы перестали приносить клятву верности богам. Мы перед ними в долгу.

– Ваша татуировка, – подсказала я. – Я видела ее в «Фейсбуке». Череп под водой.

– М-м-м, – промычала Джемма.

– Можно взглянуть на нее?

Она закатала рукав, оголив глубокий след от ожога в том месте, где была татуировка.

Габриэль резко втянул воздух.

– Вам нужно показаться врачу!

Джемма снова опустила рукав.

– Мне пришлось от нее избавиться. Я думала, это поможет заглушить его голос в голове, но... – Ее тело напряглось, по коже побежали мурашки. Она вдруг закрыла глаза и выгнула спину дугой. – Я его чувствую. – Девушка вцепилась в край стола, охваченная каким-то экстазом.

– Кого? – уточнил Габриэль.

Я сохраняла бесстрастное выражение лица.

– Бога... – Джемма вытаращила глаза, по-прежнему держась за стол. – Я хочу поговорить с ним. Он пришел сюда из-за меня.

Ситуация выходила из-под контроля.

– Кто-нибудь еще знает о черепах под водой? – спросила я.

– Я же вам сказала, – отрезала она. – Боги. Я ни с кем не буду говорить, кроме моего короля. Он здесь.

Ладно. Значит, у нас не только вода, но и король – совсем как в записке... И еще жертвоприношение.

– Мы попробуем найти короля, – пообещала я. – Но сначала нужно узнать о нем побольше. Как его найти?

Тени в комнатухе, казалось, сгустились, поднимаясь по стенам все выше, и у меня перехватило дыхание. Заметил ли их Габриэль?

Где-то в самых темных уголках сознания я расслышала скрипучий шепот дубов, рек и земных богов, требующих крови. И сквозь этот шепот в голове погребальными колоколами прозвенело слово «магия».

Я сжала кулаки, пытаюсь сохранить самообладание. Я понимала, что пора заканчивать, но нужно узнать еще кое-что. Что именно Джемма имела в виду, говоря о воде и жертвоприношениях, – и почему от этих слов мое сердце забилося чаще?

– Джемма, – я произнесла это слишком резко, уже не в силах сдерживаться. – Расскажите о Кэтрин. Она с кем-нибудь встречалась? Что вы имели в виду, говоря о жертвоприношении?

Джемма уставилась на меня, сжав челюсти.

Я вздохнула. Надо же было так облажаться... Я пыталась завлечь ее в свой мир, а не наоборот.

– Я знаю, что приведет короля ко мне...

Она взглянула на стакан – и миг спустя ударила им об стол, разбив вдребезги. Схватила осколок и вскинула руку к горлу, но Габриэль перегнулся через стол и вцепился ей в запястья. По рукам Джеммы стекала кровь. Она уставилась на него бессмысленным взглядом, шипя от злости. Тут в комнату ворвался констебль и схватил ее, заломив руки за спину.

Джемма только что заработала принудительное лечение.

И мы ни на йоту не приблизились к выяснению того, что произошло с Кэтрин.

Глава 6

После неудачного допроса я сидела за столом, жуя сэндвич с сыром бри и авокадо – любезность со стороны Габриэля. Джемма упомянула короля и воду – это совпадение? Или она действительно знает убийцу? Есть ли смысл в ее словах о «жертве» или это просто бредовая догадка?

Я сказала, что убийца стал искать какую-нибудь Кэтрин в подражание Потрошителю только после того, как газеты назвали его «Террористом-потрошителем». Но если Джемма знает убийцу, он мог выбрать Кэтрин гораздо раньше. Может, он решил убить ее в Митр-сквер, чтобы подражать Потрошителю?

Ясно одно: нужно еще раз побеседовать с Джеммой – после того, как ее накачают лекарствами. Возможно, лекарства не помешают и мне самой, но пока не до них.

Тем временем я просматривала новостные статьи об убийствах викторианского Потрошителя. Несомненно, наш маньяк с детскими стишками идет по его стопам... Что он чувствует, читая новости о себе? Возбуждение? Удовлетворение? Или азарт погони, когда роли меняются и охотник превращается в добычу? Или он хочет войти в историю, заслужить местечко на зловещем троне рядом с настоящим Потрошителем?

Упоминания о королеве сбивали с толку. Она родственница Короля червей из предыдущего стихотворения? Она играет важную роль в его жизни? Может, она его мать? Джемма могла стать подозреваемой, но ее алиби подтвердили три независимых свидетеля.

Я со вздохом откинулась на спинку стула. По сути, я ничего не добилась, плюс ко всему в мои мысли постоянно вторгались дразнящие образы незнакомца из переулка. Ароматы мускуса и дуба обволакивали, прикосновения его пальцев к моей коже чуть выше копчика наэлектризовывали. Ощущение его горячих губ на шее... Меня бросало в жар при мысли о нем.

Что бы произошло, если б я не остановила его? Почти наверняка он трахнул бы меня прямо там, в переулке. Почему-то я не могла перестать об этом думать...

В любом случае нужно выбросить горячечные мысли из головы. Ясно только одно: хоть незнакомец из переулка и спас меня, он чертовски опасен. Ошивается возле места преступления, очаровывает женщин и лезет к ним в трусики... Таким, как он, легко заманивать невинных жертв куда угодно.

– Кассандра.

Низкий голос Габриэля заставил меня повернуть голову и подпрыгнуть на месте. Он наклонился над столом, рассматривая меня своими мягкими карими глазами. *Кстати, об очаровании...*

– Где вы собираетесь ужинать? – спросил он.

– Ужинать? – Я попыталась стряхнуть оцепенение и бросила взгляд на часы. Семь часов вечера. У меня заурчало в животе.

– Я как раз собиралась в паб при отеле.

– Я бы не советовал, если только у вас нет мазохистских наклонностей. Бургеры там обугленные, а картошка фри сама утопилась в масле, чтобы покончить со страданиями.

– Есть предложение получше? – поинтересовалась я. Честно говоря, сейчас я была так голодна, что съела бы картонный торт.

– Прямо за углом есть хороший паб «Водный поэт»²⁹. Я сейчас собираюсь туда. Не хотите присоединиться?

²⁹ Прозвище английского поэта, писателя, памфлетиста, путешественника, военного, предпринимателя Джона Тейлора.

– Э-э... конечно, – удивленно промямлила я. Общение с Габриэлем до сих пор создавало впечатление, что он скорее согласится на стоматологическую операцию, чем проведет время со мной.

Тем не менее я схватила сумку и последовала за ним к выходу из участка.

* * *

Стены малинового цвета, полы из темного дерева и мягкие кожаные диваны придавали «Водному поэту» странную притягательность. Паб был оформлен в причудливом эклектичном стиле: люстры, зеркала в позолоченных рамах, гобелены, олени рога...

Я сидела в удобном кожаном кресле за деревянным столом, поглядывая на улицу в покосившееся от старости окно справа. Мокрая булыжная мостовая блестела в свете уличных фонарей. Закат еще не наступил, но небо затянуло тучами и хлестал дождь.

На секунду я почти забыла, что нахожусь в центре города, в котором больше жителей, чем во всем штате Вирджиния. На этой маленькой кривой улочке мне казалось, что мы перенеслись в прошлое – в эпоху, когда люди знали всех своих соседей.

Я взглянула на Габриэля, который заказывал в баре еду и выпивку. Белокурая барменша наклонилась к нему, позволяя заглянуть в свое декольте, и у меня сложилось впечатление, что они знают друг друга по именам. Пока она наливала две пинты «Гиннеса», Габриэль ослепительно улыбался ей.

Расплатившись с барменшей, он вернулся к столику, неся по пинте в каждой руке.

– Вы хотели что-нибудь английское, поэтому я заказал стейки и пироги с почками.

Я поморщилась:

– Почки?

Габриэль сел за стол, его улыбка погасла.

– Ах да. Я и забыл, что вы весь день читали материалы по делу Потрошителя... – Он сделал глоток «Гиннеса». – Забудьте, что я сказал про почки.

– Я так голодна, что, думаю, смогу не обращать на это внимания.

Габриэль поставил кружку, внимательно изучая меня.

– Что-то случилось прошлой ночью? Не припомню, чтобы вчера у вас был синяк...

Я дотронулась до щеки:

– Ой, значит, макияж уже смывается...

Его подбородок напрягся.

– Что случилось? – повторил он, уже тверже.

– Я шла в отель и свернула не туда, в переулок Колеса Кэтрин. На меня напали двое мужчин. Я сломала одному нос, они разбили мне лицо. К сожалению, у меня не было пистолета. Но, к счастью, появился еще более страшный чувак и прогнал их. А потом я пошла в свой номер.

Габриэль выругался себе под нос. Его очаровательная улыбка исчезла.

– Почему не позвонили мне? Вы заявили о нападении?

– Да, я позвонила в участок. Хотела, чтобы они прислали патруль. Там мне сказали прийти завтра и подать заявление, но я не вижу в этом особого смысла. К утру те ребята уже далеко ушли.

– С кем вы говорили по телефону?

Я покачала головой.

– Не знаю. Да и какая разница... В любом случае сейчас у полиции Сити есть дела поважнее. – Я отхлебнула пива. – Вряд ли наш убийца настолько глуп, чтобы разгуливать и грабить людей рядом с местом преступления. И вряд ли у него есть подельник – в отличие от тех, кто напал на меня прошлой ночью.

– Не в этом дело.

Я склонила голову набок, вспоминая:

– Но третий мужчина – тот, который мне помог... В нем правда было что-то странное.

– И что же?

Наверное, не стоило заходить так далеко. Я же не могла рассказать про галлюцинации насчет рогов, торчащих из головы незнакомца. И уж точно – о своем порыве поцеловать этого парня.

Я тяжело вздохнула.

– Он очень сильный и быстрый. Но его эмоции противоречили поступкам. Да, он помог мне и был вежлив. Мне даже показалось, что он очарован мной. Но при этом он злой.

– Злой?

– Он разговаривал сквозь зубы и сжимал кулаки. Мне показалось, что его гнев – это что-то очень личное. И да, когда он предложил помочь с чемоданом, то назвал его *тачкой*.

Габриэль уставился на меня и повторил:

– *Тачкой*.

– Да. Может, он и псих, но одет дорого. Даже элегантно... Что-то не сходится. Психи не разгуливают в новых кашемировых свитерах.

И не бывают такими чертовски сексуальными, это точно.

– Я попрошу наших парней проверить записи с камер. Какие у него приметы, кроме кашемирового свитера?

Я прикусила губу. *Так... горячий, мускулистый, возможно, с золотыми рогами и глазами, которые меняют цвет, плюс аура чистого секса.*

– Очень высокий, не меньше шести футов пяти дюймов. В плаще цвета мха с медной застежкой в форме головы оленя.

– Вы знаете, что здесь встречаются настоящие придурки? Надо было соглашаться на предложение проводить вас.

– Я могу сама о себе позаботиться.

– Что-то непохоже, – пробурчал Габриэль.

Я покраснела.

– Теперь буду ходить по людным улицам. Довольны?

Он мертвой хваткой вцепился в кружку.

– Сколько раз они вас ударили?

– Не помню. Кажется, несколько. Пнули ногой... Я уже упоминала, что сломала одному нос?

– Я хочу сегодня же вечером получить подробное описание всех троих. И если случайно встречу, то выйду из них все дерьмо.

– Ладно... – Я не ожидала, что он будет так опекать меня, ведь мы только познакомились. – Что ж, спасибо.

Несколько минут мы сидели в неловком молчании. Я боялась, что если мы продолжим тему, смогу ли я о себе позаботиться, то в конце концов я стукну собеседника кружкой.

К счастью, молчание прервала подошедшая блондинка-барменша. Расставляя блюда на столе, она улыбнулась Габриэлю. Ее улыбка наводила на мысль, что между ними *явно* что-то было и, возможно, будет еще. Его карие глаза встретились с ее глазами, и я почувствовала укол ревности.

Господи, да что со мной не так? Вчера ночью я водела какого-то психа, а теперь захотела полакомиться коллегой...

Я отвела взгляд и уставилась на еду на столе. От пирогов с хрустящей корочкой поднимались струйки пара. Когда барменша ушла, я вдохнула густой аромат, и у меня потекли слюнки. «Наверное, нужно наслаждаться этой чудесной едой, а не Габриэлем...»

Нет приправы лучше голода. Когда я голодна, могу с аппетитом лопать хоть сельдерей и чувствовать себя как в мишленовском ресторане. Но этот мясной пирог – с хрустящей корочкой и гарниром из картофельного пюре и густой подливкой – соблазнил бы меня в любом случае. Я надкусила корочку, жуя кусочек. Какой насыщенный вкус... Пирог просто таял во рту. Я едва не застонала.

– Боже, это восхитительно...

– Я же обещал, что будет вкусно, – сказал Габриэль. – Видите? Я из тех парней, которые держат слово.

Прозвучало это немного дерзко, но я была слишком занята едой и не ответила. Я заставляла себя жевать не торопясь, стараясь не проглотить весь пирог в три присеста, как того требовали вкусовые рецепторы. Отправила в рот пюре.

– Есть какие-нибудь подвиги со стишком? Как я понимаю, у нас два варианта. Если несуб – обычный псих, то стишок, скорее всего, бессмыслица. Набор случайных зарифмованных слов, которые ни к чему не приведут. Но если его можно расшифровать, это совсем другое дело... Значит, убийца действует по плану.

Габриэль покачал головой.

– У меня есть несколько версий, но ничего определенного. Если предположить, что это вообще хоть что-нибудь значит, то «кое-кто злой» может обозначать нашего убийцу. Но я сомневаюсь, что он считает себя прямо-таки злым.

Я кивнула.

– Большинство убийц так не считают. Они рационализируют свои преступления, рассматривая их как необходимость. Выпячивают отдельные черты своей личности. Например, доброту к посторонним людям или любовь к животным. Это помогает им оправдаться перед собой и обосновать убийства.

– Верно, – детектив Стюарт нахмурился. – Я не вижу смысла в психоанализе неадекватов, помешанных на убийствах. У них крыша съехала, вот и всё.

Я ткнула вилкой кусок мяса – возможно, чересчур яростно.

– Анализировать убийц – это моя работа.

– А, ну да... – он пренебрежительно взмахнул вилкой.

– Знаете что, – мои щеки вспыхнули от гнева, – вот я не стала бы рассказывать вам, что детектив – идиотская профессия.

– Вы правы, – Габриэль приподнял бровь. – Я вел себя как идиот. Приношу свои извинения.

– Извинения приняты. Но вы *и сами* анализируете убийцу. Вы предположили, что он не считает себя дьяволом, и это проницательно. Он может считать «злым» свое стремление убивать, но не самого себя. Может абстрагироваться от собственных преступлений или приписать их некой посторонней воображаемой сущности.

– Вроде Короля червей?

– Точно. Хотя непонятно, при чем медведь или королева.

Детектив отхлебнул из кружки.

– Королева и медведь... Звучит как название гей-бара.

– Остроумно. – Я подцепила еще один кусок мяса. – Вы не так просты, как притворяетесь. Заметно, как меняется ваш акцент – он то лондонский, то как у среднего класса, когда бормочете себе под нос... Когда вы думаете, что никто вас не слышит, цитируете Торо, но никогда не сделаете это при коллегах, правда?

– Вы к чему?

– Видела ваше резюме. У вас степень по истории в Кембридже. И вам не чуждо аналитическое мышление – гораздо в большей степени, чем можно судить по остроте про гей-бар.

– Ладно, – согласился детектив Стюарт. – Вы меня раскусили. На службе я стараюсь не выпячивать эту сторону. И вы правы, в свое время я начитался стихов.

– Хотя я и американка, Габриэль, не нужно для меня все упрощать.

– Договорились.

– А как вы перешли от изучения истории к службе в полиции?

– Моя мать, как и все консервативные еврейские мамы, всегда хотела, чтобы я стал врачом или адвокатом. Для еврейских мам это единственные достойные профессии. А отец хотел, чтобы я работал у него. У него один из лучших карибских ресторанов в городе. Разумеется, чисто инстинктивно я захотел разочаровать их обоих. И стал полицейским.

Я сделала глоток пива.

– А ваша консервативная мама знает, что вам нравится «выбивать из людей все дерьмо»?

– Не помню, чтобы я говорил при ней такую фразу, – Габриэль лукаво улыбнулся. Мне стало интересно, сколько раз его спрашивали о прошлом и сколько раз он использовал одну и ту же нелепую отмазку насчет разочарования родителей. – Я просто говорю ей, что наказываю людей шокером, когда они плохо себя ведут.

– Шокером? Не слишком ли жестоко для британских полицейских? Я считала, что вы, ребята, не верите в оружие и ваш самый суровый метод – фраза «доброго дня, сэр».

Детектив покачал головой, но я могла поклясться, что заметила на его лице тень улыбки.

– У некоторых есть шокеры – на всякий случай. Когда преступники не прислушиваются к суровым предостережениям.

– А у вас есть?

– В ящике рабочего стола. Нет смысла таскать его с собой, – Габриэль предостерегающе поднял бровь. – Бандиты хорошо понимают, что я не тот, с кем стоит связываться, просто взглянув на меня.

– Точно.

– Ну а вы? – поинтересовался он. – Как вы стали профайлером?

– Все спец агенты проходят такую подготовку, – машинально ответила я.

– Да, но не все работают в Отделе поведенческого анализа, правда? Что вас там привлекло?

Если верить типу, с которым я познакомилась прошлой ночью, я питаюсь страхом – обвинение, совпадающее с мнением козлобородого о профайлерах как «наркоманах, подсевших на травмы». Но дело не в том, что мне слишком нравились места преступлений. После того что случилось в моей семье много лет назад, я отчаянно пыталась понять мышление убийц и то, как окружающий мир сделал их такими.

Однако не стоит ворошить мрачное прошлое сейчас, в этом маленьком уютном пабе.

– Я подумала, это интересная работа. И благодарю свои счастливые звезды за то, что меня взяли именно в этот отдел, а не отправили заниматься ограблениями банков.

Габриэль рассмеялся:

– «Ограбление банков» звучит не так уж плохо. Я бы поблагодарил свои счастливые звезды... – Он вдруг замолчал, уставившись на кружку с пивом, и начал медленно водить кончиком пальца по ее краю.

Я подождала продолжения. Наконец спросила:

– Что?

– Счастливые звезды, – пробормотал констебль. – Королева и медведь. Моя мать называла Большой Ковш Большой Медведицей. Говорила, именно так это переводится с иврита.

– Да. Большая Медведица. *Ursa* по-латыни «медведь».

Габриэль по-прежнему смотрел на свою кружку в глубокой задумчивости.

– Королева – это, возможно, созвездие Кассиопеи, царицы из греческих мифов. Большая Медведица и Кассиопея. Кажется, что созвездия движутся по кругу. В древности моряки ориентировались именно по ним.

– Что ж, это соответствует драматизму стихов.

Габриэль снова встретился со мной взглядом.

– Но что означает «кое-кто злой»?

– Ну... – Поскольку зло следовало за мной по пятам, я потратила достаточно времени на его изучение. – В арабской мифологии Полярная звезда – «злая звезда», «неподвижная звезда», причем мужского рода, навеки застывшая в наказание за убийство.

Габриэль заморгал, уставившись на меня.

– Откуда вы это знаете?

– Не вы один учились в колледже.

Детектив вытащил телефон и, проведя пальцем, разблокировал экран. Я подвинула кресло, заглядывая ему через плечо. Он просматривал статьи из «Википедии», перескакивая с одной на другую.

– Вот, – его лицо просветлело. – Кассиопея и Большая Медведица вращаются вокруг Полярной звезды, делая оборот против часовой стрелки примерно каждые двадцать четыре часа.

– Королева с медведем трижды станцуют кружок, – медленно произнесла я, и наши взгляды встретились. – У нас три дня.

– Меньше. Мы получили записку сегодня утром – и уже полдня потратили впустую.

Глава 7

Наверное, из-за лондонского дождя у меня по шее внезапно побежали мурашки, когда я вышла из «Водяного поэта». Я стояла на мощеной мостовой перед пабом и всей кожей чувствовала страх. Обхватила себя руками, жалея, что не взяла зонтик.

У нас два с половиной дня.

Словно бомба замедленного действия.

Габриэль поспешил в участок, а я возвращалась в отель – немного отдохнуть.

Два с половиной дня до убийства следующей женщины.

Я была измотана; головная боль, от которой весь день ныл затылок, постепенно усиливалась.

Нужно выспаться и завтра утром присоединиться к остальным полностью отдохнувшей.

Два с половиной дня до того, как выпотрошат другую женщину, вырвут ее органы.

Но я не могла просто запереться в роскошном номере, пока садист-убийца разгуливает на свободе. Вместо этого я пошла по улице, стиснув зубы. *Хикори-дикори-чпок...* Я мысленно повторила это еще раз. *Еще одна проститутка с головой. Кое-кто злой преподаст вам урок.*

Убийца нанес удар ночью, так что следующего убийства можно ожидать через... сколько? Пятьдесят два часа? Пятьдесят четыре? У нас нет времени.

Я не детектив. Я не читаю следы, не делаю анализ ДНК и не контактирую с информаторами. Но могу попытаться понять ход мыслей убийцы. Возможно, двух дней хватит, чтобы разобраться в его мышлении. Может, я даже вычислю, где он атакует в следующий раз, и мы устроим там засаду... Шансов мало, но нужно попытаться.

Я решила и дальше придерживаться версии, что наш несуб подражает настоящему Потрошителю.

Шагая под холодным дождем, я вспоминала все, что узнала о преступлениях Потрошителя. Кэтрин Эддоус стала четвертой жертвой. До нее были Мэри Николс, Энни Чэпмен... Тело Энни нашли за покосившимся деревянным домом на Хэнбери-стрит в сентябре 1888 года. Потрошитель перерезал ей горло и забрал матку.

Я сверилась с телефоном: место преступления всего в пяти минутах ходьбы. Не мешает взглянуть, прежде чем вернуться в отель, даже если я вымокну под ливнем.

Когда я добралась до конца Фолгейт-стрит, пейзаж резко изменился. Узкий мощный переулок вывел меня на главную улицу с рядами модных бутиков в приземистых кирпичных зданиях. Между магазинами по стенам змеились яркие граффити, оживляя серый лондонский пейзаж. Отсюда мне был виден высокий белый шпиль – «Белая церковь», от которой пошло название местности³⁰. В 1888 году местные проститутки бродили вокруг в поисках клиентов, чтобы заработать на ночлег. Наверное, именно здесь старина Джек находил себе жертв...

Я достала из кармана пискнувший телефон.

Ты уже побывала в местах казней?

Я покачала головой, печатая ответ:

Не совсем. Но я по дороге к месту, где орудовал Потрошитель. Тебя устроит?

На экране возникло зеленое облачко ответа:

Потрошитель был демоном. Дело закрыто. Ты уже попробовала цыпленка?

Порой Скарлетт ведет себя слишком странно, даже по моим меркам.

Цыпленка опередили пирог и пюре.

Я сунула телефон в карман.

³⁰ Имеется в виду Уайтчепел.

Проходя мимо паба, заглянула в окно. Деревянные столы в деревенском стиле, современные люстры, кирпичные стены – все выглядело очень дорого. И ни одного посетителя.

С викторианских времен район похорошел, и мне показалось, что это лондонский вариант Бруклина. И все же из-за нового Потрошителя вокруг было пустынно. За все время прогулки от Фолгейта до Хэнбери я встретила лишь троих пьяных в стельку мужчин с хипстерскими бородами и усами.

Я свернула на Хэнбери, которая ничем не напоминала старые фотографии цвета сепии. Пейзаж, каким его видел Потрошитель более ста лет назад, исчез. Там, где когда-то над тротуаром наклонялись кособокие домики, теперь находился кирпичный склад с неоновой рекламой музыкальных мероприятий. На моей стороне улицы выстроились в ряд пестрые магазинчики, один из них под вывеской «Голый эспresso». А во что вообще одевают эспresso? В стаканчик? Почему-то эспresso без стакана меня не привлекал. Чертовы хипстеры...

Небо потемнело до угольно-серого, и я поторопилась перейти на другую сторону улицы. К этому времени дождь промочил меня насквозь. Будь это сцена из романа Джейн Остин, через день-другой я бы лежала с предсмертным ознобом в поместье какого-нибудь привлекательного джентльмена. А в реальности мне грозит только плесень на одежде.

Стоя перед обшарпанным кирпичным складом, я уставилась под ноги, пытаюсь предугадать следующий шаг несуба. Вряд ли это идеальное место для убийства. Джек-потрошитель убивал своих жертв за лачугами, но не перед магазинными витринами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.